Мститель. Бывших офицеров не бывает

Автор:
Валерий Шмаев

Мститель. Бывших офицеров не бывает

Валерий Геннадьевич Шмаев

Военно-историческая фантастикаМститель #2

Попавший в прошлое в самый разгар боев лета 1941 года капитан спецназа ГРУ Виктор Егоров не только выжил сам, но и спас от немецких карателей десятки советских людей. Бывших офицеров не бывает – Егоров сколачивает из добровольцев отряд и учит их не просто воевать, а наносить противнику существенный урон.

Золотая осень сорок первого пахнет сгоревшим порохом и смрадом расстрельных ям, враг зверствует на оккупированной территории. Но Виктор, взявший себе позывной Второй, быстро научит фашистов бояться на русской земле каждого куста, каждой тени. Его диверсионный отряд начинает рейд по глубоким тылам противника…

Валерий Геннадьевич Шмаев

Мститель. Бывших офицеров не бывает

© Шмаев В.Г., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Зона действий группы армий «А» 103-й тыловой район группы армий

Директива

Полиции безопасности (ГФП Гестапо и уголовной полиции), службе безопасности (СД), полиции порядка (ОрПо), войскам СС, Айнзатцгруппе А Генерального округа «Латвия», территориальным органам полиции безопасности, 284-й охранной дивизии, подразделениям охраны тыла, а также зондеркоманде 1а, эйнзатцкоманде 2z и вспомогательной полиции.

В зоне действий генерального округа «Латвия» действует особо опасная диверсионная группа НКВД под командованием капитана НКВД под псевдонимом «Второй» численностью более ста двадцати человек, использующая оружие, документы и униформу военнослужащих Вермахта. Кроме того, группа использует различную бронетехнику, в частности бронеавтомобиль советского производства БА-10, с нанесёнными на него знаками Вермахта, танк советского производства неустановленной марки, штабной бронеавтомобиль Sd Kfz 247, три автомашины «Опель-Блиц» и мотоцикл «БМВ», ранее захваченные противником.

Зона действия группы: Екабпилс и окрестности. Резекне и окрестности, Краслава, Дрисса, Освея и предположительно Даугавпилс. Принять все меры для немедленного поиска и уничтожения диверсионной группы противника.

13.08.1941

13 сентября 1941 года

Мы уже сутки отдыхаем, а Виталик со своей группой пришёл только под утро. Сейчас спят. Я уже поговорил коротко с Виталиком. Всё, как я и предполагал. Виталик был на том самом хуторе, который обнаружил «Серж» с девчонками. Тогда они не просто наблюдали за домом, но и чуть было не ввязались в

перестрелку. Девчонки с трудом удержались. Не смогли спокойно смотреть, как на этом хуторе зарезали троих людей. Молодую девчонку «Серж» даже оглушил и связал.

Вот к тому хутору я и отправил наблюдателей и специально прикрепил к ним Давида, жестко проинструктировав «Погранца» и Виталика. Мне необходимо было, чтобы Давид понаблюдал за хутором и посмотрел, что там творится. Творятся там по сути дела самые обыкновенные зверства. Это мы ребята привычные, а Давид пусть закаляется, а то устроил мне в прошлый раз «сопли в сахаре». Послушал бы он допросы и почитал показания пленённых нами карателей, сам бы пошёл на том хуторе детей голыми руками душить.

Именно поэтому у меня конкретно в допросах принимали участие только мы с «Сержем», а показания записывали? Правильно, приз в студию: Сара, Эстер и «Дочка». А почему они записывали показания? Потому что сами в боевых действиях участвуют только издали. У меня нет цели сделать из них зверей, но вот учиться стрелять теперь они будут даже во сне. Ну а «Фею» злить – только портить, она так и не отошла от Сарьи, и прилежней ученика у меня нет, а потом они будут старшими снайперских пар. Я никогда ничего не делаю просто так и пока положиться в этом отряде могу только на этих девчонок. Просто девочек я буду стараться беречь. Конечно, это война, и никто ни от чего здесь не застрахован, но это самое малое, что я им в этой жизни должен.

Кроме всего прочего, если нас ищут в округе, то именно мимо той развилки дорог проехать невозможно. Так что можно ехать чистить хутора, заодно и упырей очередных вырежем. На сегодня понятно.

14 сентября 1941 года

Десять утра, и опять передо мной сидит весь отряд.

– По нашей традиции слово предоставляется командиру отряда, – шутливо начал я.

– Начну с прошедших операций. Моя личная благодарность «Погранцу». Вот разгильдяй, но какие глаза и терпение! Твоему командиру низкий поклон за то, что из тебя «Погранец» человека сделал. Чувствуется рука мастера! – Смех слегка прошелся по немного напряженным людям.

– Так как я тебя медалью наградить пока не могу, а то, что вы сделали, никак меньше чем на медаль не тянет, вот возьми лично от меня, – и нож ему протягиваю в богато инкрустированных ножнах. Был у нас в трофеях охотничий тесак, и не один, так что таких «медалей» я могу много раздать.

– Вот научишь наших разведчиков так фиксировать наблюдения, я тебе автомат так разукрашу! Третий лично займётся. Скажешь только, в чём тебе сделать, в серебре или в золоте. – Опять смешки в народе.

– Всем остальным разведчикам моя искренняя благодарность, а «Дочке» шоколадка. Держи, «Дочка». – Вот этого и добивался. «Дочка» покраснела, а народ ещё больше оживился.

– Теперь о втором выходе! Всё прошло, как и планировали. Кого-то убили, что-то взорвали, и все, что самое главное, вернулись живыми, целыми и невредимыми. Немного оживили движение на одной из дорог. Хочу отметить «Гнома», Арье, «Оду» и «Руля». Молодцы, ребята, с вами первый раз работал, всё очень качественно.

Сара и Эстер, девчонки вы мои ненаглядные, вам огромное спасибо за то, что вы у нас есть. Стрельба, маскировка и выдержка во время операции на самом высшем уровне. И самое главное, мы порадовали немецкое командование, а то оно без нас совсем заскучало. Ещё одно маленькое, но приятное «но» – нас теперь ищут за сто пятьдесят километров отсюда. – Теперь улыбаются точно все. Подождал, когда стихнет оживление.

– Ну а теперь о серьёзном! Разведка показала, что у нас рядом завелись очередные упыри. Кроме того, они располагаются не так далеко от того места, где мы будем работать и, может быть, жить поэтому. Сегодня ночью на немецком броневике выезжает группа разведки в составе: «Серж», «Стриж», «Девятый», «Гном», «Дочка», «Фея» и Эстер. Можете взять кого-нибудь из новых девочек на своё усмотрение. Старший группы «Серж».

Задача группы. Осмотреть хутор на наличие обитателей, снять поставленные мины. «Серж» ставил. Осмотреть, если есть места подрывов, если нет, осмотреть места минирования. Остальная группа приедет на нашем броневике и грузовиках, поэтому тщательно проверить дорогу. Приедем ночью, ближе к рассвету, через сутки. «Серж», ночью на въезде или перед ним поставь «фишку» для встречи колонны. На базе остаются «Погранец», «Восьмой», Сара и молодые девчонки с врачами и ранеными. Основную группу формирует «Старшина».

– Командир! А почему я на базе? – О! Это то, чего я ждал! Сара с сольным выступлением. Ну, сейчас ты у меня получишь.

– Сара! Свет очей моих! Радость ты моя бестолковая! Ты мне этот вопрос задаёшь? Забыла о списке «Дочки»? Мне при всех его зачитать? Давай людей повеселим? – Ага. Это редкость. Сара покраснела, а потом и побагровела. Я этого и добивался. Список «женских праздников» я помню даже лучше всех своих девчонок, потому-то Сару в рейд и не беру. Ибо нефиг. Пусть сидит на базе. Заодно и новых девчонок с «Погранцом» натаскает.

– Я вообще-то о том, что «Фее» тоже надо на боевых заданиях работать, а не о том, о чём ты сейчас подумала, но мне нравится ход твоих мыслей. – Теперь смеются все девчонки, и громко так, с переливами. Мужики, понятно, недоумевают.

– Милые вы мои, красивые женщины. Я повторю только то, что сказал в своё время «Дочке». Я у вас и за маму, и за папу, и за командира, и за бронезаслонку. Вот такая я «мапа». И я хочу, чтобы все это знали. Я за любую из вас порву любого в отряде или на кухне сгною, а «Старшина» поможет, а не в отряде вырежу всю округу. Я вам всем по жизни должен. Просто потому, что вынужден учить красивых девчонок убивать, а не делаю это сам.

Все мужики нашего отряда должны это помнить как «отче наш», а забывчивым «Старшина» напомнит с подробнейшими объяснениями. Список объяснений у него постоянно пополняется. Ну, на этой лирической ноте мы с вами закончим сегодня наше общение. Готовьтесь. Все свободны. Сара, «Погранец» и «Восьмой» останьтесь. – Когда все вышли, продолжил: – В первую очередь просьба к Саре. Новые девочки. Всё как всегда. Личные характеристики, привычки, ваши наблюдения. Пожалуйста, не забывай советоваться с «Погранцом», «Старшиной» и «Третьим». Можно ли учить парами или надо разбивать вашу пару с Эстер? В этом вопросе решаешь ты, мне больше не на

кого положиться. Я поэтому и обкатываю вас по очереди с ними.

«Восьмой». На тебе гранаты. Не торопясь с помощником или с помощницей, можно и с девочкой – они очень внимательные, только объясни, что это опасно, чтобы человек понимал, на что он идёт, делаешь гранаты без замедлителей. Это по времени не горит, но когда приедем, начнётся стройка и тебе будет не до того. Кроме того, надо заминировать все тропы вокруг дальней «фишки».

– Командир. Зачем так много? Я много сделаю, – недоумённо сказал «Восьмой».

– Будем сидеть по приезде на общем сборе, напомни, я при всех скажу, чтобы не повторяться, но поверь, сколько бы ты ни сделал, всё мало будет. Просто знай: то, что ты сделаешь, будет неожиданный привет упырям лично от тебя. Хочешь, даже листовки такие нарисуем. На боевые операции я тебя буду брать только в самых крайних случаях – твоя работа нам всем нужна как воздух. Шашкой махать кому найдётся, а твои руки у нас одни, и я буду их беречь.

«Погранец»! Вот смотри по карте. Вот эти два хутора надо аккуратненько разведать. Подходы, подъезды, количество людей, выходы к воде, количество лодок и прочие мелкие разности, но только издали смотреть, а не лазать по огородам. Никаких действий и не запались. Чтобы хозяева даже не подозревали, что за ними смотрят. К нашему возвращению мне нужны готовая карта и вся информация, что соберёшь. С согласования с Сарой можешь брать кого-нибудь из новых девочек и потихонечку натаскивать.

Будь аккуратен. На дальнем от нас хуторе есть пожилой мужик. Он очень грамотно держится за винтовку, причём у него не трёхлинейка, а какая-то охотничья винтовка. Видел его издали, близко не подходил. Во дворе видел собаку на цепи: если есть одна, значит, могут быть и ещё. У охотника может быть какая-нибудь охотничья шавка, а они очень звонкие.

На ближнем к нам хуторе полно детей. Все дети в том возрасте, в котором знают каждый куст вокруг своего дома. Никому не нужно, чтобы они тебя видели.

«Погранец», «Восьмой», Сара, в случае любой, я подчёркиваю, любой опасности на вас эвакуация врачей на запасную базу. Без врача отряд просто вымрет уже через полгода. Смотрите за мелким мальчишкой, чтобы на мины не залез. И ещё. Оцените людей: если человек боится, не хочет учиться или просто необучаемый,

не страшно. Люди мирных профессий нам тоже нужны до последней крайности. Отряд растёт, все рвутся в бой, а без тылового подразделения мы элементарно поесть по-человечески не сможем. Ну, вроде всё, какие вопросы есть?

– Есть, командир, – угрюмо сказала Сара.

– Пойдём тогда погуляем, смотри, какая погода хорошая, – а на улице идёт холодный осенний дождь. Вышли на улицу и встали под навес крыльца.

– Командир! Зачем ты так, я же как лучше хотела. – Видно, что Сара обижена. С тех пор как я сказал, что она мне нравится, я больше ни разу с ней не заговаривал. А вот не могу я. Права не имею расслабиться и позволить себе хоть какие-то человеческие чувства, по крайней мере сейчас, хотя эта девочка мне действительно очень нравится.

– А мне что, очень хотелось? Не могла потихоньку подойти? Я что, не человек? Или мне приятно девочку, которая мне нравится, клоуном перед всеми выставлять? А на смерть вас посылать мне каково? Ты вот над тремя девчонками старшей стать не хочешь, а у меня вас восемь человек. Я за неделю четверых курсантов потерял. Чуть с ума около операционной не сошёл и знал ведь, что раненый мальчишка умрёт. С такими ранениями не выживают, а всё равно на чудо надеялся.

Прелесть моя, я хочу, чтобы ты знала. Я в отряде доверяю только «Третьему», «Дочке», тебе и Эстер и по-особому «Фее». Доверяю как себе. Мужики – это мужики, мозги у них иначе устроены, а вы женщины – у вас преданность и надёжность на первом месте. Подумай об этом. Всё, иди, а то начну сейчас руки распускать, и «Старшина» меня на кухне сгноит, а я ещё пользу могу принести. – Честно сказал, глядя Саре прямо в глаза.

– Я подумаю. Спасибо, командир, – так же глядя мне в глаза, сказала Сара. Так и разошлись.

16 сентября 1941 года

Всё как в первый раз. Кино и немцы. В девять утра броневик с крестами на бортах и два больших грузовика весело подкатили к просторному хутору.

Развернувшись на площадке перед домом, броневик остановился и навёл на дом орудие и два пулемёта. Грузовики встали в разных углах подворья, и из кузовов шустро посыпались немцы с автоматами, в маскировочных халатах и масках и парами разбежались по хутору. Потом борта грузовиков откинулись, и на дома уставились тупые рыла станковых пулемётов.

Захват произошёл в считаные минуты. Хозяев выгнали на улицу, споро связали, вставили кляпы и завязали глаза, а вот дальше начались странности. Сначала из-за дома вытащили двоих мужиков, тех, кто выскочил из дома и побежал в лес, а затем из сарая вывели трёх батраков, которые сидели там на цепи. Немцы всё так же молча осматривали хутор, оставив у сидящих людей троих из тех, кто сидел за пулемётами.

– Странные немцы, – подумал пулемётчик, сидящий на чердаке, и повёл стволом пулемёта в их сторону. Это было последнее, что он сделал в своей жизни.

– Ещё один, – почти беззвучно прошептала Вера. – Надо будет вечером записать. – Вера слышала от командира, что снайперы делают зарубки на ложе винтовки, но свою винтовку девочка любила, холила, лелеяла и называла про себя «Верина дочка» Она завела маленький блокнотик с карандашиком и назвала его «всё о винтовке». Увидела в трофеях и попросила «Старшину», и записывала всё в него крупными детскими буквами. Это был восьмой лично её. Тех, кого она уничтожила в группе, Вера не считала, хотя Виталий всегда считал и рассказывал участникам боевых операций, сколько они убили на задании немцев и полицаев. Про себя Вера никогда не называла Виталия «Третьим».

* * *

Больше в доме никого не было, а этот пост на чердаке обнаружили ещё вчера. Не было и детей: и на фотографиях на стенке в горнице – детей нигде не было.

В этот раз первыми допрашивали батраков, и тут нас ожидал сюрприз. Увидев перед собой командира НКВД и услышав обращение «Второй», молодой, здоровый, правда, измождённый, сильно избитый и худой мужик зарыдал и, давясь слезами, начал рассказывать.

Уже только на основании этого рассказа хозяев можно было закопать в землю живыми, но человек я добрый. Мне опять-таки ямы под землянки и схроны копать надо. Ну не мне, а для базы и людей. Чего это всё мои бойцы надрываются? Вон какие сытые, здоровые и накачанные ребята и девчата, и они так просят хоть чем-нибудь нам помочь. Прямо рвутся на работу. Особенно когда увидели в руках своих бывших батраков винтовки с примкнутыми штыками.

Правда, они думали, что это они для себя яму копают, но потом поверили мне на слово. Для себя яму они выкопают за полем, в овраге, когда здесь закончат, а бывшим батракам и новым бойцам нашего отряда я пообещал, что они последнюю яму закопают, когда бывших хозяев в неё уложат. Так что «трудовая энтуазизма» у всех на высоте. Стаханов от зависти удавится. Странно. А из хозяев одна тётка в обморок упала, когда услышала обращение «Второй». Чего это она? Я же добрый. Местами.

Ой! Ё! Давно я так не удивлялся! Какие на ухо землянки? Вот это да! Вот это хозяева! Я же говорил, что хозяин хутора, ныне покойный, бывший майор? Где его похоронили? Я хочу ему венок на могилу прислать с надписью «С благодарностью от «Второго». У немцев ни оружие, ни боеприпасы при налётах можно не брать. Можно и продукты не брать.

Нет! Брек! Продукты надо брать. Мне много продуктов надо, у меня отряд ещё сам себя прокормить не может. Кто-нибудь видел двухуровневую землянку на двадцать человек? Даже Виталик от этого зрелища в осадок выпал, со своим-то белорусско-деревенским опытом строительства. Вот и я до сегодняшнего дня не видел, а здесь таких три. И так упакованы и оружием, и боеприпасами, и продовольствием, что я обзавидывался. Причём в разных углах этого неширокого, но длинного леса. Конечно, хозяева очень не хотели про них говорить, вот только батраки слышали, что они где то есть.

Дальше всё как всегда. «Гном», который не Иванов. Один из батраков, который тоже почему-то совершенно не Иванов, и Старшина, который Иванов только местами. Новый кол, который доверили вытёсывать новому не Иванову. Двое тех, кого отловили в лесу. Даром, что ли, «Серж», Давид, «Фея» и «Стриж» там с ночи сидели? И наконец, под занавес я, великий и ужасный, и беседа потекла в нужном направлении. Оказывается, я очень популярный малый. Нет. Не в том смысле, что меня связывают с этими хуторами. За меня уже награду объявили, только мало что-то, всего двадцать пять тысяч марок. Оккупационных. Это прямо оскорбление. Жлобы.

День прошёл с огоньком. Умели всё же хозяева хутора работать. Целых восемь ям под землянки выкопали, территорию облагородили, жердей берёзовых нарубили, и всё это без завтрака, обеда и ужина. В общем, старались, как могли, но всё заканчивается рано или поздно. В восемь часов вечера наши почти добровольные помощники закончили с последней ямой, в которую бывшие батраки уложили своих бывших хозяев. Проводили, так сказать, в последний путь. А куда мне их ещё девать? Кто пленных ночью охранять будет? Я, что ли? Мне что, заняться нечем? У нас ещё работы здесь как грязи.

17 сентября 1941 года

Наверное, всё же есть бог на свете, и не важно, как его зовут, но то, что вчера произошло, иначе чем чудом назвать было нельзя. Ещё ночью я дрожал от холода, зарываясь в гнилую солому, и ждал продолжения своей мучительной смерти, а потом произошло это чудо.

В сарай, где мы жили, вошли двое немцев. Один тут же убежал и вернулся ещё с одной парой таких же немцев. Они сняли нас с цепи, отвели во двор, посадили на крыльцо и тут же разбежались по двору и дому. Мы как хозяева сидели на крыльце, а все хозяева валялись связанные на земле.

Прямо напротив дома стоял маленький танк, уставив на дом пушку, и два грузовика с откинутыми бортами и двумя пулемётами. Потом трое немцев выпрыгнули из грузовиков, где стояли пулемёты, и оказались какими-то маленькими и совсем не страшными.

Неожиданно где-то вдалеке раздался выстрел, и я услышал, как на чердаке кто-то упал. Обычно там сидел у пулемёта Янек, один из племянников господина хозяина. А потом к нам подошёл невысокий немец и начал с нас снимать колодки, а потом крикнул на чистом русском языке:

– «Гном», иди мне помоги, – а потом я увидел этого «Гнома», тоже немца, но этого не могло быть, потому что и это было чудо. Немец был таким же, как и я, евреем. Ещё был врач, которого все называли просто «Док». Меня мыли и стригли, и покормили чем-то безумно вкусным, и уложили спать на хозяйскую кровать, и я думал, что это тоже сон.

В этом счастливом сне я увидел жену и дочек. Они шли совсем недалеко от горизонта по синей глади озера, рядом с которым прошла вся наша жизнь, медленно поднимаясь в небо, и махали мне руками. Я совсем не удивился этому, но вдруг встал, изо всех сил побежал за ними, догнал их, и мы вместе пошли по бесконечному белоснежному облаку.

* * *

Истощённый, замордованный до смерти человек умер во сне. Клаус с сильным акцентом, всё же русский неродной, просто сказал «я не бог», а на кровати сидел Давид, держал в своих сильных крестьянских руках измождённую руку измордованного до смерти человека и плакал. Это он вчера занимался этим человеком: купал, стриг и брил, разговаривал как с маленьким ребёнком, кормил куриным бульоном и всю ночь сидел у его постели, и был единственным, кто не понимал, что этот человек умирает.

Остальные двое были немного посвежее, хотя тоже в почти дистрофическом состоянии, так что ещё вчера нам помогали. Сегодня чистые и побритые во всех местах, где только можно, они сидели вместе с нами за столом. По-моему, они ещё пока не верят в то, что это всё наяву. Один сидит рядом с «Гномом», второй – рядом с «Белкой».

– Так, бойцы, сегодня коротко. Чтобы не путаться, двое новых бойцов работают с «Доком». Новых бойцов кормит только «Док». Все остальные, кто меня слышит. Спасённым нами людям можете протянуть только кружку воды и только с разрешения «Дока». Кормить много нельзя – убьёте людей.

Новые бойцы. Хотите жить, слушайте «Дока», как маму родную. Если вы не в состоянии удержаться, мы нагружаем вас продуктами, сколько унесёте, и до свидания. Умрёте сами от заворота кишок. Все остальные правила отряда вам расскажут наставники и командиры подразделений.

«Старшина». До сегодняшнего вечера у новых бойцов должны быть новые имена.

«Серж». Со своей группой до ночи отдыхаешь. Отдыхаешь – это значит по хутору не шаришься. И всё, то же самое по хутору «Погранец» – снять старые мины,

осмотреть места подрывов, не обнаруживая себя, разведать хутор. Через сутки мы к вам подтянемся. Все остальные работаете со «Старшиной».

«Старшина». Копаешь здоровую яму или две ямы в одном из сараев и загружаешь туда весь дом. Некогда таскать материалы в выкопанные ямы и землянки. Туда загрузим то, что останется, сам решишь, что и куда, списки составить не забудь. Сами землянки будешь строить, когда будем разбирать дом и сараи. Мы с «Третьим» работаем по дому. У тебя два дня.

«Фея» и Эстер, на вас дневная «фишка». Пока всё.

19 сентября 1941 года

На дороге был подрыв, как и на том хуторе, где сейчас работает «Старшина», но остальные мины сняли. Поэтому всё равно пришлось проверять дорогу, а за день это полностью сделать не успели, потому что дорога на этот хутор заминирована по-новому и очень густо. Причём мины стоят вразнобой. Явно какой-то умелец ставил по своей схеме, так что на хутор пошли пешком.

Группу вёл сам. Игрушки закончились, здесь надо работать по-серьёзному. Лес с левой стороны хутора не заминирован, но между лесом и хутором здоровенное поле. С правой стороны лес примыкает к жилым постройкам.

В прикрытии осталась только «Дочка». С ней вторым номером Виталик, поэтому перед выходом нарезал ей сектор обстрела. Виталя тоже вооружился снайперкой. Стреляет мой помощник не мастерски, скорее как твёрдый середнячок, но наблюдатель он хороший. В силу своей обстоятельности Виталик фиксирует то, что другие обычно пропускают.

– Мутный хутор, непонятный, – сказал я, выслушав «Дочку», «Сержа» и «Стрижа» и посмотрев зарисованные схемы построек. Действительно, очень странно расположены сами здания. Два жилых дома с прилегающими к ним длинными сараями стоят друг напротив друга. Один жилой дом, грубо говоря, спиной к лесу, другой так же к здоровенному полю, а двор у них общий. Первый раз я такое расположение домов здесь встречаю, да и не здесь тоже.

«Стриж»

Мудрит что-то командир. Что там непонятного? Тоже мне «командир». Подумаешь, мины не сняли: ползай теперь по лесу ночью, упирайся носом в его сапоги. Объехали бы по обочине, а потом по полю и всё. Чего это он? Мина? В лесу? Никогда же не было! Ещё одна? Так чего мы сюда попёрлись? Вдоль дороги пройти не могли? Три мины нашёл и снял. Прям и чтец, и жнец, и на дуде игрец. И сторож у девок. Следит за ними как политрук – не подойти. На заставе и то таких порядков не было. Ладно, поглядим, что дальше будет.

* * *

Ночью подползли к дому со стороны леса. Правильно, что полз первый. Лес заминирован. Не сильно, но три мины нашёл – простые нажимные противопехотки, но тем не менее. Хорошо, что вышел сильно заранее – было время осмотреться и проторить более-менее нормальный проход. Остальные двигались только за мной по пятам и ползком. Понятно, что полз не по таким привлекательным тропинкам, а напрямую по кустам черники. Пришлось обнюхивать всё на ощупь. Все три мины нашёл у поворота тропинки: даже представить боюсь, что там, в лесу, вокруг дома творится.

Доползли до дома, обползли его, рассредоточились вокруг и стали ждать утра. Около фундамента мин нет, а вот если брать правее от дома, куда тропинка в лес уходит, так сразу четыре штуки стоят. Я даже трогать их не стал. Опять светодиодный фонарик помог. Удобная штука, а дома вечно нос воротил от подобных вещей.

В пять утра в коровник через дом вылезла тётка. Подоила четырёх коров и ушла. В домах света нет. Вообще никакого шевеления нет, а так в деревенских домах не бывает. Кто-нибудь по дому и пройдёт, во двор обязательно выйдет, в туалет сходит, а тут тишина.

Мне не нравится. Вот не нравится, и всё. Чуйка верещит дурным голосом. Потом понял. Ёкарный бабай! Конь ты педальный, а не командир. Сеновал не просматривался от наблюдателей, а он закрыт. Если там какое железо типа танка или броневика, мы все здесь ляжем – противотанковых гранат-то у нас нет. И уходить поздно. До рассвета не успеем, и в лесу мы целую дорогу

протоптали. Ну что ж, значит, не судьба, а могли бы хозяева умереть спокойно, во сне.

Оставил «Сержа» и Зераха у сеновала, а остальных рассредоточил под окнами. Самое главное было расположить всех в «мёртвых» секторах пулемётов. Я очень внимательно рассмотрел схему хутора, нарисованную «Дочкой» и «Сержем», и в том, что пулемёты здесь есть, ни разу не сомневался.

Пулемёты стоят на чердаках в слуховых окнах, направленных на старую дорогу, в сторону поля и во двор, иначе нет смысла минировать лес, то есть прикрывать направления, которые пулемётами не простреливаются. К тому же то, что дорога заминирована наглухо, а на хуторе полно людей, означало только одно: то, что подъезжают к хутору теперь с другой стороны. Это недоработка «Сержа». С другой стороны, если бы «Серж» полез в лес без «Девятого», вся разведка осталась бы в лесу. Да и с «Девятым» тоже, скорее всего.

В шесть утра мы начали закидывать оба жилых дома гранатами. Через тридцать минут всё было кончено. На сеновале и на чердаках обоих домов были оборудованные пулемётные точки. На чердаке одного из домов пулемётчиков убила «Дочка», на сеновале я и «Серж». На чердак второго дома «Гном» тоже закинул гранату, причём абсолютно без команды. Как только пулемёт завёлся, «Гном», которого я поставил под фронтальное окно, сначала закинул две гранаты в дом, а потом одну на чердак.

Но и одной гранаты РГД-33, закинутой «Гномом» на чердак, хватило, чтобы пулемётчик развалился на несколько запасных частей. Правая рука с очень неплохим чешским пулемётом «Брен Мк 1» вылетела наружу, а всё остальное неравномерными кусками было раскидано по чердаку. Пулемётчик хрен с ним, а вот пулемёт жаль. Ствол погнуло, ствольную коробку осколками побило, приклад кровью залило. Хорошая была машинка. Англичане с этим «Бреном» и его модификациями всю войну прошли. Я почему знаю? Этот пулемёт чехи ещё до войны придумали и поставляли его в британскую армию, а англичане с ним даже на Фолклендах воевали. То есть пулемёт стоял на вооружении британских войск более пятидесяти лет и, соответственно, его во всех фильмах показывали.

После всего втроём прошлись по домам на зачистку. Живого нашли только одного, да и того с сильной контузией и тремя ранениями, но всё равно по каждому делали контрольный выстрел. Старались, конечно, в голову, просто не у всех были целые головы. Это мой прокол. Повезло здорово, почти вовремя

тормознул, а могли бы влететь. Не хотел сначала шуметь, но после сеновала передумал.

«Стриж»

Ну, командир! Ну, жук! Попёрлись бы мы по полю! Да здесь мин больше, чем картошки. И на обочинах, и на дороге, и по краям поля, и в лесу на тропинках, а ездили хозяева вообще вокруг – новую дорогу через поле протоптали. Вот как командир догадался, что на сеновале вместо сена машина стоит? Он же никогда здесь не был?

Откуда он про пулемёты знал? Мы же о них даже не подозревали, хотя весь день за домом смотрели! Ведь всех за руку под окна подвёл и поставил. Никто под пулемёты не попал. Стрелять они сразу после первых взрывов начали, потом откуда-то сбоку две короткие очереди – и пулемёт замолчал. Если бы сам такое не увидел, никогда бы не поверил.

Зашли бы мы в дом. Ага. Я даже и не знал, что так бывает. Во всех домах двойные двери, и на кухнях по человеку, оказывается, сидели, вроде дневальных. Откуда командир про это знал?

Вот как он нас по лесу провёл через мины? Как? «Девятый» глаза вылупил и так целый день ходит. Он к этим минам подойти боится. «Девятый», между прочим, сапёр. Подошёл он с командиром к этим минам, побыли они там – что-то командир ему показывал, а потом вернулся, сел на скамейку у дома, попробовал закурить, а у самого руки трясутся – цигарку скрутить не может.

То, что мне попало, так сам дурачок виноват. Сказал же командир: «бросил гранату, ложись под окно», а я к дверям рванул, ну и попало осколком. Рикошетом прилетело.

Да! Командир силён! А ребята теперь смеяться будут.

* * *

– Командир! Как его перевязывать-то? Как там бинт мотать? – спросил «Гном», озадаченно разглядывая задницу «Стрижа» с торчащим из левой ягодицы мелким осколком гранаты.

– Никак. Аккуратненько тампоном прижми, сейчас освобожусь, вытащу его и сам перевяжу. – Я едва сдерживал смех. Нервное напряжение, в котором я пребывал с ночи, отпускало, и организм требовал разрядки, но ржать нельзя, иначе «Стрижа» потом затравят.

– Вот дурная голова, «Стриж», ногам покою не даёт, но в данном случае пятой точке. Я, конечно, понимаю, что ты соскучился по ранениям, героическим подвигам и красивым медсестричкам, но я вынужден тебя огорчить. Нет ничего героического в ранении по глупости и в задницу. Ближайшие две недели ты проведёшь на животе, а вместо медсестричек у тебя будут «Иванов» и «Мех», которым надо откормиться. Потом вместо боевой работы ты будешь учиться выполнять приказы. Я думаю, «Старшина» найдёт тебе применение, а жаль. Из тебя со временем может получиться толковый боец. Ну, ничего, урок будет.

Хреновое ранение. Неудобное. Как ни повернёшься, будешь бередить. Место такое – центральное в организме человека. Соответственно и заживать будет долго, не больно – просто противно. Ни лечь по-человечески, ни ходить, ни поесть, ни наоборот. Ну да ничего страшного. Осколок – это не лом в заднице для исправления осанки. Умнее будешь.

* * *

Как только с хутором управились, прошлись с «Девятым» и «Гномом» по новой дороге. Мин на ней нет, только на въезде три нажимные противотанковые, но это и понятно – их проще снимать, самим же ездить надо было. Мы тоже так поступаем, я просто у нас хитрее сделал. После дождя места минирования хорошо были видны, а так дорога чистая. Так что подогнали нашу технику сюда, выставив на дороге «фишки», чтобы не засветиться при переходе.

Все три машины загрузили материальными благами, которые бывшим хозяевам хутора больше не понадобятся. Пришлось перестрелять всю домашнюю скотину и порезать всю птицу – сюда скоро не вернёмся. Что-то традиционно закопали в сараях и в процессе утащили подальше в поле бывших хозяев, ну то, что от них осталось, и бросили так. Не хоронить же? И так времени мало. Рабов, кстати,

нет, а цепи и колодки в одном из сараев есть, видимо, убили уже – уборка урожая в полях закончилась. Этот хутор заминировали, и противотанковые мины я переставил. Понятно, что не я, а «Гном». Ему нравится, пусть тяжести таскает.

21 сентября 1941 года

Ночью вернулись обратно на хутор к «Старшине» и, загрузив ещё груз от него, отправили колонну на базу. С колонной хозяйственников отправились в госпиталь «Иванов», «Мех» и «Стриж». «Иванов» – это тот еврей, который выжил. Второй – «Мех» – белорус из Могилёвской области, его «Белка» к себе заберёт, говорит, он механик-водитель танка. Вернётся техника только через три дня, а у нас тут дел много.

Два дня занимались новой базой. В основном перераспределением материальных ценностей и консервацией и маскировкой новых складов. Опять потихоньку разбираем хозяйственные постройки и строим. Хорошо, что перетащил сюда Виталика. Самой стройкой теперь занимается он, а «Старшина» и «Девятый» на подхвате. Оба изумлены до предела.

Ну да, это у меня руки, как я уже говорил, растут из того места, на котором все люди сидят, а Виталя в деревне вырос, и отец его с детства к стройке приучал, так что скорость строительства максимально возросла. Дорвался Виталя до любимого дела. Вся эта война Виталику по барабану. Из всей войны ему только в сапёры, а ещё лучше дома строить или, вот как сейчас, землянки.

Пока мы здесь, надо всё по максимуму посчитать и убрать в землю. «Старшина» только этим и занимается, подключив девчонок к составлению списков. Ну а мы с «Сержем» традиционно занимаемся поиском тайников – работать руками мы всё равно не умеем.

25 сентября 1941 года

Ночью дошли до разведанного «Погранцом» и Виталиком хутора. Сегодня весь день смотрю за его обитателями, и всё, что я увидел, мне здорово не нравится. Ой, как хорошо, что в этот раз я на точку с Давидом поставил «Сержа», а саму точку расположил максимально далеко и под неудобным углом обзора.

Ничего себе домик! Ёж вашу мать! Вы меня что, предупредить не могли? То есть вот это вот дом? Тогда тот хутор, в котором сейчас толкается вся наша группа, собачья конура. Перед наступлением темноты оттянулся глубже в лес на точку сбора и дождался Давида и «Сержа».

– «Серж»! Эфиоп твою мать! Ты в курсе, что ты самка собаки? Ты что творишь? Жить надоело? Наблюдатель гребучий! Тебя кто учил? Ноги ему вырвать! Ладно, «Погранец» – щенок переросток, но ты вроде волкодав, должен такие вещи влёт просекать! Обурели разведчики, мать вашу. Если до дома доберусь, я тебе гланды вырву без наркоза через задницу.

– Ты чего лаешься, командир? Что случилось-то? – «Серж» реально встревожен. Я никогда так с ним не разговаривал.

– Это я ещё не лаюсь. Лаяться я на базе буду, если выживем. «Упыри, упыри». Это такие же упыри, как и мы с тобой. У вас гранат без замедлителя много? И остальных гранат? – В разведку мы берём только «лимонки». Они просто компактнее и удобнее в обращении, да и места меньше занимают.

– У меня шесть штук, без замедлителя нет. – Это Давид.

– У меня десять, без замедлителя ещё три. – «Серж», понятно, при гранатах, а вот за то, что у курсанта гранат нет, я ему отдельно уши надеру, если до временной базы целыми кусками доберёмся.

– Это с личными? Или вообще? – Я давно уже всем выходящим бойцам объяснил, что к немцам им живыми лучше не попадать, и на задания я беру только таких людей.

– Нет, командир, личные отдельно. – Это опять Давид.

– Хорошо. Может, и проскочит. Значит, так! Сейчас по-тихому идём на вашу точку. Вы никуда с неё не уходили?

– Никуда, командир, – шустро хрюкнул «Серж». Понимает, что своих звездянок он по-любому выхватит.

– Опять хорошо. Точку минируем растяжками, и вы валите отсюда, «Серж». Только по дороге и по сухим местам. Хорошо дождя не было. От места растяжек совсем понемногу и в разных местах присыпаешь след смесью, но совсем немного, чтобы только запах. Лучше всего мизерную щепотку скидывай приблизительно с поясной высоты – она собьёт запах и будет вообще невидима. Не часто, от перекрёстка двести метров и больше не обрабатывай.

У нашей «фишки» даже не вздумайте, иначе тот хутор просто по точкам обработки найдут, если нас будут травить грамотными поисковыми командами. Саму «фишку» перенеси метров на сто пятьдесят от дороги, и сидите тихо. Мне оставьте автомат Давида, патроны, продукты, что остались.

– Да что случилось-то, командир? Пойдём вместе. – «Серж» был не на шутку встревожен.

– Нельзя. Это, скорее всего, разведшкола или школа подготовки диверсионных групп. Что те же бойцы, только в профиль. У них нет проводной связи, но есть рация. Я должен остаться и показать, что я здесь. Если их с утра выпустить, они завтра нас по следам найдут и загонят.

Вы по-любому наследите. Мы ночью следы в перелеске замаскировать не сможем, но если всё правильно сделать, завтра они ваши следы сами затопчут. На свои следы я их не пущу, а потом выведу на дорогу. По мне одному они привязаться к следу не смогут. Замучаются листья глотать.

Нас всех засекли днём. Вокруг дома стоят три минных полосы и оборудованы пулемётные точки. Вероятнее всего, расчёт зенитного орудия – капонир там за домом. Причём выкопан он недавно, да и замаскирован так себе. Три точки наблюдения из дома. Минимум один снайпер. Одного я засёк точно, с той стороны дома может быть второй. Нас пока не проявили, но однозначно засекли и пока не знают, кто мы. Я не понимаю, почему они не вызвали подкрепление днём или не натравили на нас группу охраны из дома.

Их разведка вышла только что и вернётся, наверное, рано утром. Они вас съедят и не заметят. Подъезд к базе минировать по максимуму. Лес в шахматном порядке растяжками, дорогу только минами. Скажешь «Третьему» – он знает, как сделать.

Я с хозяевами особняка завтра поиграю и вернусь. Приду только в том случае, если буду знать, что облава уйдёт в другую сторону, но сразу не ждите. – Я реально испугался за своих щенков. В доме знали, что за домом наблюдают. Засекли они именно меня, когда я передвигался по лесу, и я действительно не понимал, почему нас уже не перебили.

Точку наблюдения «Сержа» и Давида немецкие наблюдатели тоже наверняка засекли или засекут завтра утром. Сейчас я сделаю так, что завтра утром наблюдатели обязательно обнаружат ту позицию и сочтут её основной. Саму позицию мы хитро заминируем, поставив растяжки на тропе таким образом, что, нарвавшись на первые две гранаты, оставшимся в живых некуда будет уйти, кроме как в стороны. При взрыве сработают минимум пять «лимонок», а стоять они будут так, что накроют всю группу, втянувшуюся в заминированный карман. Кроме этого я поставлю четыре гранаты без замедлителя поперёк дорожки следов «Сержа» и Давида, как раз для того, чтобы гранаты позже сняли.

Я видел три точки наблюдения из дома и минимум одного снайпера. Спецом лежал до темноты и всё же дождался выхода разведки. Трое ушли через заминированную полосу к тому месту, где я лежал днём. Значит, в минном поле за домом есть проход. Сам проход в полутьме я прояснить не смог – расстояние всё же немаленькое, а вот место выхода засёк.

Сейчас разведчики заминируют мою точку наблюдения и будут ждать, когда я подорвусь, или вернутся утром в дом и будут ждать в тепле. Я ждал бы в лесу, но то я, а они вернулись за час до рассвета и нарвались прямо на растяжку из двух гранат. Один стонет уже полтора часа, а сначала орал. Он торопится к врачу. Остальные двое лежат смирно – им уже торопиться некуда.

Интересно, они в атаку пойдут? Или просто обстреляют? Я еле успел сделать ложную позицию там, где лежали вчера Давид с «Сержем». Ага, вот оно, всё же пулемёт. Не стали рисковать. Что ж, разумно. Предсказуемо, но разумно. Короткими лентами стреляет, по пятьдесят патронов, но уже штук сто пятьдесят выпустил. К раненому поползли всё же, под прикрытием пулемёта – значит, на

ложную позицию купились. Очень хорошо. Сейчас вы мне, ребята, всю схему минирования покажете. Вот и поворот. Хитро.

Второй пулемёт подключился. Видно, перетащили с той стороны особняка. Вон и кавалерия поскакала: под прикрытием двух пулемётов из дома по дальнему краю поля стартанули восемь человек. Сапёры раненого потащили. Молодцы. Значит, ребятишки в здании, точно уверены, что я на той позиции прижат пулемётами.

Взрыв. Ещё один. Двойной взрыв, ещё один двойной! Что, всё? Что-то мало, неужели компактной группой бежали? Что же вы так орать-то любите? Чуть что, сразу в крик. Вот теперь следы Давида и «Сержа» точно затёрты. Там сейчас трупы и раненые, и в крови всё. Никакая собака след не возьмёт. Вы ещё остальные растяжки снимите и порадуйтесь на досуге. Теперь можно и расслабиться.

Интересно, у них врач есть и раненых повезут на чём? Я только две мины снять успел и у ворот поставил. Хорошие мины. Противотанковые! Нет, всё-таки машина. Ну не машина, а очередной бронетранспортёр. Вот гадство. Он колёсный! Мне не могли вовремя подогнать? Я так не играю.

Взрыв! Мина долбанула очень душевно. Она же на танк рассчитана, а тут какая-то колёсная каракатица с пулемётом. Летает эта каракатица в принципе неплохо, но недалеко. Вторая мина чуть дальше стоит. Вот и ладненько. Пусть постоит. Глядишь ещё кто нарвётся. Может, в гости кто подтянется? Но я тут ни при чём. Я вообще лежу чёрт-те где. Мины сами переползли. Я вас, уроды, научу Родину любить. Германию в смысле.

Классная штука светодиодный фонарик, без него я фиг чего успел бы поставить. Заклеить его, правда, пришлось и материей замотать, чтобы свет только теплился через красный материал, но это дома Виталик постарался. Жаль, что скоро батарейки сядут. Впрочем, здесь не одноразовые батарейки, а аккумуляторы. Может, Виталик зарядить сможет?

Да ладно? Не может быть! По проходу опять ползут двое. Так. Вон тот маленький сапёр, я его видел уже, а здоровый, похоже, снайпер. Или разведка? Блин. Без бинокля не видно, какое у него оружие, а смотреть в оптику винтовки дурных нема. Засечёт местный снайпер или наблюдатели – и трындец, здесь

меня и закопают. Ну, это, конечно, образно. Дотащат до базы и там внимательно изучат мою хладную тушку, но это уже несильно важные для меня подробности.

Сапёр вернулся. Если здоровый через меня пойдёт – значит, разведка, если в воздухе зависнет – снайпер. У снайперов всё не как у людей. Только непонятно, почему один?

Всё же разведка. Конечно. Эта ложбинка ниоткуда не просматривается, ни от дома, ни от леса, а он про неё знает. Этот амбал даже место увидел, где я лежал до этого, только обернуться не успел. Таких умельцев живыми брать нельзя. Таких красавцев живыми брать опасно, а нож в затылке – это гарантия, что ты мне в спину не выстрелишь. Был бы «глушак», не стал бы поганить любимые ножи.

Упакованный дядя, и размерчиком в полтора меня. Автомат и два «Люггера». Ого! Подвесная подмышечная кобура со стволом! Ничего себе. Никогда здесь такого не видел. И ствол какой-то странный. Некогда, потом посмотрю. Два ножа и гранаты, подсумки и ранец. Ну и зачем ты с собой ранец-то потащил? Знал бы, что ты мне столько оружия принесёшь, ребятам автомат оставил бы. Мне теперь кроме своей винтовки и автомата Давида ещё и твой автомат с пистолетами таскать. А вот хрен я что брошу. Это не мой метод.

Теперь раздеваемся до трусов. Бельё хорошее, шёлковое. Да ты пижон, дядя! Жетончик на серебряной цепочке! Опа! Наколка на руке – эсэсовец! Падшая женщина! Кто здесь базируется-то? Так. Всё в узел. Удобный у тебя камуфляж, штанины на завязочках.

Все мелкие шмотки в штаны вошли. Получился отличный мешок, который можно пристроить на шею. Теперь верх ремнём перетянуть – и можно бегать, но сначала кайенскую смесь рассыпать.

Что там у дома? Одна цепь человек в пятнадцать крадётся по полю в сторону ложной позиции, одна перебежками от дома к машине. И всё это под трескотню двух пулемётов, а пулемёты у нас развёрнуты совсем в другую сторону. Можно работать не напрягаясь.

Это, похоже, у нас инструктор. Был. Потому-то ты в лес один и попёрся. Оказывается, понты не в наше время придумали. Интересно, твои детишки

сильно обидятся? Теперь моя очередь с ними играться.

Где тут у нас снайпер? Да на крыше, в чердачном окне, даже позицию не сменил, рожа наглая. Что же ты такой беспечный-то? Нельзя так халатно относиться к работе. На! Снайпера ударом пули снесло в глубь чердака. Винтовка вывалилась на покатую крышу и скатилась на самый край.

Теперь по ближайшей цепи. Вы у меня как на ладони, и не сильно далеко до вас, ближе, чем до снайпера, и залегли все, идиоты. Бежать надо. Кто вас учил-то? Звездец какой-то! Залечь на открытом поле, чтобы спрятаться от снайпера. Но я в голову стрелять не буду, мне главное – вас из строя вывести. Главное же не убить, а разозлить.

Если стрелять в туловище, там разницы нет, куда попадёт – в плечо или, простите, в задницу. Результат один: в лучшем случае тяжёлое ранение. Две обоймы расстрелял по ближним упырям. Ещё две обоймы по дальним.

На поле песня – воплей и стонов на хоровой оркестр. Извините, ребята, я забыл сказать, что винтовка у меня автоматическая, а стрелять я с детства люблю. Позицию намеренно не меняю. Времени развернуть пулемёты у вас нет. Ещё одну обойму прямо по окнам, но это просто, чтобы вы меня побыстрее обнаружили. Надо же, чтобы вы меня гарантированно засекли и сильно удивились. Меня даже ваш инструктор здесь не ожидал увидеть.

Вот теперь, подволакивая ноги, в лес. Здесь под ёлочку растяжечку, там вторую. Вот и ладненько! Отсюда направление движения меняю и аккуратненько, не оставляя следов, бежать отсюда, на точку, где свои вещи оставил. По пути ещё три растяжки поставил, чисто по мелким ёлочкам, и не по одной, а веером. Про «путанку», я надеюсь, вы ещё не знаете. Это чтобы позлить и придержать немного, да и шмотки тащить легче. Я вас что, ждать, что ли, буду? Ну, нет, не сегодня.

Не скучайте без меня, детишки. Ты давай, инструктор, передавай от меня привет своим ученикам. Я смотрю, им «лимонки» понравились. И под тебя парочку заложил. Всё же инструктор! Вот и посмотрим, как и чему ты их учил.

Не поймали они меня. Хотя до перекрёстка по следам дошли, но шли долго, по ходу «путанка» сработала. Оставался у них на базе ещё один инструктор. Затем

я смесь прямо на перекрёстке насыпал и по дороге ушёл. Отметился и поиздевался. Я ведь именно поэтому группы по дорогам вожу. Никто этого не ждёт.

Сколько следов на просёлочной дороге? Да между несколькими крупными деревнями? Немерено. Это не осенний лес, где всё видно. Чем мне нравятся здешние дороги, так это тем, что здесь грязи почти нет – почва песчаная. Если инструктор грамотный, то он всё сразу поймёт. Перекрёсток – это четыре направления поиска плюс лес и поле напротив перекрёстка.

Сам я издали с удовольствием наблюдал, как мои преследователи на дороге дёргаются. Долго один икру метал, минут тридцать. Может, просто не знал, что икру мечут в основном по весне, а сейчас осень? Нет, благородная рыба размножается по осени, но то благородная, а вам, ребята, до лососёвых рыб, как до Китая боком.

Что меня больше всего радует, так это то, что собак у них нет. Разыскная собака – машинка специфическая, абы с кем не работающая и настроенная на конкретного проводника. Здесь этой неразлучной парочки нет и быть не может. А где есть? Правильно. В концлагере, а ближайшие концлагеря у нас в Даугавпилсе, в Резекне и в Себеже. Так что если собачек и привезут, то только к завтрашнему утру, а так как след обработан, сначала надо будет искать в округе хоть какую-то зацепку и плясать уже от неё. Для этого по всем направлениям надо будет направить грамотные поисковые группы, а это, на минуточку, минимум восемь штук. Нельзя ведь исключать, что я по той же дороге обратно ушёл.

Четыре дороги, восемь обочин, соскочить в лес я могу в любом месте. Сколько надо задействовать народу для поиска следа? Вот то-то! Необходимо срочно устроить тотальный поиск грамотными поисковыми группами, а к тому времени, когда они найдут хоть какую-то зацепку, если найдут, от собак будет мало толку. След-то «простынет», грамотная ищейка всегда на вес золота. Спросите у охотников, как у них ценится собака с верхним чутьём? Через сутки запаха уже не останется – сам след я смесью забиваю. Я потому и к перекрёстку всё вывел, чтобы количество направлений для поисковых групп увеличить. К тому же та толпа народа, которая будет искать следы, затопчет наши следы напрочь.

На этом месте, где сейчас лежу, я тоже специально остановился. Здесь очень далеко от перекрёстка – больше чем восемьсот метров по прямой. Но это по

прямой, а по дороге, по которой я ушёл, все полтора километра. Я до поворота дороги дошёл, соскочил в лес, а потом по краю поля сюда вернулся. Отсюда перекрёсток видно как на ладони. Лежал здесь до позднего вечера. Дорога не оживлённая. Так… пара телег проехала. Облавы нет, в эту сторону по крайней мере. Что тоже странно, но объяснимо. Пока в разведшколе соберутся, отправят радиограмму и наберут загонщиков, день закончится. Надо же своих раненых перевязать, трупы собрать, над своим инструктором погоревать, виновных в этом безобразии поискать, а там, глядишь, меня искать времени уже не останется.

Но вот очень мне любопытна одна деталь. Как здесь оказался «Серж» при первой разведке? Это же совсем в другую сторону от нашей базы, а от хутора, на котором мы базируемся сейчас, километров двадцать. Тогда «Серж» мне зарисовал этот перекрёсток и очень грамотно обозначил все ориентиры. По этим ориентирам я ставил группу «Погранца» и сразу отметил, чтобы они близко к дому не приближались. Меня интересовал больше перекрёсток и движение на нём. Я был уверен, что если на районе есть поисковая группа, то базироваться она будет на этом хуторе, а мне в донесениях никто не сказал, что это не хутор, а барский особняк.

«Погранец» приказ выполнил дословно. Недаром я его перед этим дрючил. Именно поэтому мы все сейчас живы. Если бы их засекли тогда, за трое суток немцы подготовились бы и взяли их живыми, а ещё через сутки нас всех накрыли бы по полной программе. Когда вернусь, «Погранца» и Виталика в задницу поцелую.

Полиция безопасности ГФП (гестапо).

Центральное управление ГФП города Рига.

Собеседников двое. Бригаденфюрер SS (генерал-майор) Гельмут Штольк и офицер по особым поручениям гауптштурмфюрер SS (гауптман, капитан) Курт Бонке.

– Что же произошло около школы, Курт? Твой доклад я читал, расскажи, что ты об этом думаешь. – Со скучающим видом бригаденфюрер невыразительно смотрел на своего доверенного человека. Казалось, что ему совсем не интересно, но гауптштурмфюрер прекрасно знал своего патрона. Точно с таким

же невыразительным взглядом бригаденфюрер подписывал расстрельные списки на сотни человек или смотрел, как самым разным людям специально обученные сотрудники вырывают ногти на ногах, а потом и ломают эти самые ноги. Так что обольщаться не следовало, следовало твёрдо и уверенно доложить то, что он накопал за последние двое суток. Иначе можно было легко оказаться в том самом подвале управления.

– Господин бригаденфюрер, я начну с самого начала. Школа была открыта в тридцать четвёртом году при генеральном штабе латвийской армии. Вальтер был в ней старшим инструктором и первый выпуск тренировал и выпускал сам. Это были полностью его люди, и ориентированы они были на Великобританию и САШ. Общее количество агентов – более пятидесяти человек, точное количество на сегодняшний день неизвестно.

Курс обучения был рассчитан на один год, но иногда курсанты проходили дополнительное обучение у отдельных специалистов и учились у самого Вальтера. Наборы в школу проходили ежегодно, и в тридцать девятом году был очередной набор в количестве пятидесяти восьми человек. Курс был ориентирован на Советский Союз. Курсанты были в основном русские, проживающие на то время в Прибалтийских странах.

В сороковом году, когда большевики захватили Латвию, курсантам были выданы документы для дальнейшей работы в Советском государстве. Это было гениальное решение Вальтера – легализировать курсантов школы на месте для врастания в среду. Связь с курсантами и какая-либо их деятельность не предусматривались. Основная задача выпускников была выжить в изменившихся условиях и по возможности обрасти связями среди партийных и хозяйственных чиновников «Советов».

Об этих агентах знали только Вальтер и его помощник из русских дворян, бывший офицер латвийского генерального штаба. После начала войны всех курсантов собрали в условленном месте. В данном случае местом сбора оказался особняк одного из инструкторов школы.

Дело в том, что так называемые выпускные экзамены Вальтера представляют собой жёсткие проверки, максимально приближенные к боевым условиям. К примеру, из первого выпуска школы на экзаменах погибло двенадцать курсантов. Саму школу охраняют будущие курсанты школы численностью около взвода.

На момент приезда Вальтера в школе помимо сорока семи человек выпускного курса находились шестьдесят два кандидата, составляющие взвод охраны. Система обучения построена так, что, кроме инструкторов, больше никто не видит курсантов в лицо. Взвод охраны проживает в отдельных помещениях и с выпускниками не пересекается.

Двенадцатого сентября наблюдателями группы охраны было обнаружено скрытое наблюдение за особняком. Штурмбанфюрер Ранке посчитал, что это начало проверки Вальтера. Наблюдение обнаружили, но наблюдатели в ночь на тринадцатое сентября снялись и ушли. Группа наблюдения предположительно составляла два человека.

Вальтер приехал двадцать четвёртого сентября и сразу затребовал личные дела курсантов. Двадцать пятого сентября опять было обнаружено наблюдение за школой. Наблюдатель был один, передвигался по лесу очень грамотно, был вооружён, но место наблюдения было обнаружено. После доклада Вальтер приказал действовать, согласно обстановке. В действия руководства школы он не вмешивался, оставив для себя роль стороннего наблюдателя.

Вечером двадцать пятого сентября была выслана группа разведки из числа взвода охраны, которая заминировала лёжку наблюдателя. По возвращении, уже на рассвете, группа разведчиков попала на мины. Двое были убиты, один тяжело ранен. После того как рассвело, была обнаружена лёжка снайпера.

– Я сказал, о чём ты думаешь, Курт? Не надо мне пересказывать доклад этого тупоголового кретина Ранке. Я читал доклады, меня интересует твоё мнение. То, о чём ты не написал в докладе. – Бригаденфюрер не был зол. Этот невысокий, полноватый, похожий на лавочника в провинциальном городишке лысеющий мужчина был замотан до последней крайности. Гибель уникального инструмента, а иначе как инструментами Штолька своих подчинённых он не называл, со всем его личным архивом отбрасывало бригаденфюрера на несколько лет назад, а попадание архива этого самовлюблённого кретина в чужие руки могло иметь абсолютно непредсказуемые последствия. Если личный архив вообще был у Вальтера с собой.

– Хорошо, господин бригаденфюрер. – Гауптштурмфюрер помолчал, якобы собираясь с мыслями. Выдавать всю информацию патрону он не собирался.

Бонке был неплохим аналитиком, умел вытягивать правдивые показания даже у полумёртвых подследственных и мог подать собранную им информацию в лучшем для себя свете, но сейчас говорить всю правду было смертельно опасно.

За последние недели в нескольких районах Латгарии неизвестной диверсионной группой противника было совершено несколько нападений на военнослужащих Вермахта. Причём группа действовала крайне нагло, а главное – использовала в числе прочего оружия русские автоматические винтовки СВТ.

Если связать нападение на Вальтера с нападениями диверсионной группы, то можно остаться в этих лесах до её уничтожения, а к этому Бонке не стремился. В том случае если документы захвачены русскими диверсантами, они уже почти наверняка переправлены за линию фронта. Диверсионную группу могут и не найти, и командующий местными ослами гауптштурмфюрер станет «козлом отпущения». Бригаденфюрер скор на расправу, и простой отправкой на Восточный фронт можно и не обойтись.

Ко всему прочему гауптштурмфюрер очень не любил выскочку Ранке, продвигавшегося по службе с помощью своего высокопоставленного дяди. Ранке стал начальником разведшколы сразу после Нойманна, хотя талантами разведчика не блистал, предпочитая работать кулаками, а не головой. Новоиспечённый начальник разведывательно-диверсионной школы латвийского генерального штаба был конченым садистом и никогда не скрывал этого. К счастью, этот самонадеянный индюк Ранке вообще не читал оперативные сводки по району и не связал нападение на школу с диверсионной группой. Поэтому Бонке уверенно продолжил:

– Это не русские. Это не их почерк. Да, использовались русская самозарядная винтовка и русские гранаты, но это не русские. Я бы мог предположить, что это англичане – на это указывают уровень подготовки диверсанта и безукоризненность исполнения операции в целом, но это было бы просто предположение, не основанное ни на каких фактах. Поэтому повторю:

– Во-первых, очень высокий уровень подготовки диверсанта. Убить Вальтера ножом смогут единицы, а диверсант, я подчёркиваю, был один.

Во-вторых. Идеальное время выхода диверсанта на позицию. Точно в то время, когда Вальтер приехал в школу, а этой информацией достоверно не располагал

никто даже из нашего окружения или руководства школы. Подобное поведение характерно для Нойманна.

В-третьих. Это сделал тот, кто знал, что Вальтер при возникновении внештатной ситуации пойдёт в лес один, и тот, кто знал, что он всегда носит свои досье с собой.

В-четвёртых. Практически все курсанты были ранены. Погибли лишь трое, и среди них, по удивительному стечению обстоятельств, заместитель Ранке, обер-лейтенант Карл Витт, приказавший курсантам пойти в атаку.

И наконец, последнее. То, о чём умолчал Ранке. Что сделают русские диверсанты после нападения? Побегут в лес, он же рядом, и это очень большой лес, уходящий в другой район.

У русских не было бы никаких проблем с проводником, но была превосходная возможность уйти через лес, и ко всему прочему они никогда не работают по одному. Подвести по лесу большой отряд, захватить всю школу целиком и уничтожить всех, кто в ней находился, было достаточно просто, но в лесу не было обнаружено никаких следов присутствия большого количества людей. Были лишь старые следы предположительно двух человек, но это с большой вероятностью следы тех двух наблюдателей, которые были обнаружены ранее.

Диверсант же, напротив, вышел на дорогу, не особенно скрываясь, дошёл до перекрёстка. После чего мастерски сбил след кайенской смесью и, вот это самое главное, целый день просидел в поле, наблюдая за перекрёстком. Лёжку наблюдателя обнаружили через три дня при детальном прочёсывании территории. То есть диверсант или его напарник видел всех, кто вышел на дорогу, и не стрелял.

Более того, при осмотре места не было обнаружено вообще никаких следов присутствия там человека, кроме двух маленьких деталей: следов от сошек ручного пулемёта и небольших примятостей на траве на месте самой лёжки. Что само по себе означает, что это человек, прошедший специальную диверсионную подготовку и умеющий передвигаться и маскироваться в лесной местности.

Объяснение всего этого простое – у него были наши документы. Это не русские, это ребята одного из разведывательно-диверсионных подразделений Вермахта.

Если начинать с конца, тогда все логично. К тому же Вальтера раздели практически догола, забрали даже нижнее бельё, что может означать только одно. То, что человек, делающий это, имел информацию о потайных карманах в одежде Вальтера.

Если предположить, что перед своим приездом Вальтер встречался со своим агентом, работающим ещё и с нашей спецслужбой, тогда объясняется точное время выхода диверсанта на позицию. Другого объяснения этому не существует.

Утверждение штурмбанфюрера Ранке, что это русские, основано только на типе оружия, но винтовками СВТ и русскими гранатами вооружены и финны, и «Советы», и наши войска. Привязка к оружию в данном случае – это неумение оперировать фактами.

С большой вероятностью можно предположить, что это агент, прошедший подготовку в одной из наших школ, либо агент, прошедший подготовку у самого Нойманна. У меня есть обоснованное предположение, что Вальтер оставил для собственного использования некоторое количество людей из числа якобы погибших курсантов из первого выпуска, таких мною отмечено четверо, и из последующих выпусков, общее количество которых по известным причинам пока неизвестно. Вполне возможно, что кто-то из них решил таким образом обрубить все концы. Поимённый список предположительно живых курсантов всех выпусков с моими дополнениями и выписками из досье вот в этой папке.

Кроме того, неизменный и незаменимый помощник Вальтера Нойманна, русский дворянин и бывший капитан латвийского генерального штаба Елагин Алексей Петрович, который мог бы прояснить очень многие детали по курсантам, так как большинство курсантов школы и личных агентов Вальтера проходили через его руки, выполняя приказ обер-лейтенанта Карла Витта, был ранен. Днём позже по непонятной причине сам Ранке применил к нему методы специального допроса, отчего состояние его в настоящую минуту критическое.

Сейчас он прооперирован и находится в госпитале под круглосуточной охраной, но в сознание до сих пор Елагин так и не пришёл. Сам же штурмбанфюрер Ранке на вопрос о причине допроса отвечать отказался. – Бригаденфюрер по-прежнему невыразительно смотрел на подчинённого. На его лице не отразилось никаких эмоций.

Это была его ошибка. Это он, поговорив с Ранке по телефону, приказал допросить русского дворянина. Бригаденфюрер не учёл одного, того, что Ранке жутко ненавидит любимчика Вальтера. Расчёт был на то, что в течение суток Ранке в достаточной мере подогреет русского офицера и тот к приезду Бонке будет готов на всё что угодно, но когда Курт приехал в школу, было уже поздно. Меньше чем за сутки Ранке превратил русского в кровоточащий страшными ранами полутруп, не добившись практически ничего.

Но главное во всей этой истории было не это, и Штольк об этом не знал. Главным было то, что штурмбанфюрер Ранке, уверенный в собственном превосходстве и абсолютной безнаказанности во время допроса, похвалился Елагину, что приказ на проведение допроса он получил от бригаденфюрера. После этого русский дворянин замолчал и в течение допроса более не проронил ни слова.

27 сентября 1941 года

Ранним утром на «фишке» меня ждал мой тупоголовый помощничек с группой поддержки. Дозор усиленный – шесть человек при двух пулемётах, но это он зря. Забрали у меня всю мою поклажу и чуть ли не на руках донесли до дома, а там даже банька теплится. Проснулся только под вечер. Утром в бане помылся до блеска, дополз на ватных ногах до кровати и как провалился. Устал всё же очень здорово.

Вышел в горницу из нашей с Виталиком спальни, а тут сюрприз. Мои трофеи прямо на столе разложены, и вид у «Сержа» довольный. Ранца и жилета только нет, я их сразу Виталику отдал, чтобы заныкал. Кроме «Сержа» в горнице «Старшина» с «Девятым» и Виталик с «Дочкой». Но это пока. Сейчас ты у меня, мой дорогой соратник, ещё больше будешь доволен, если не сказать больше. Давно хотел это сделать.

Подошёл и молча, со всей дури засадил красному командиру с ноги по роже. «Сержа» немного приподняло и унесло в угол, прямо под ноги к «Старшине». К нам приехал ревизор. Правда, ревизор не приехал, а пришёл, но это ничего для «Сержа» не меняет. Виталик только чуть приподняться успел, но он меня прекрасно знает и знает, что, когда я вот такой спокойно-безразличный, это кому-то сейчас звездец настанет. Повезло «Сержу», что босиком, а то разнёс бы

ему морду лица как «зафутболенному». Я только чуть-чуть сдержался. Добрый стал, постоянно себя сдерживаю. Вот и этому долбодону повезло нарваться на мою доброту.

– «Старшина», приведи своего командира в чувство, – коротко приказал я. «Старшина» с «Девятым» молча облили «Сержа» водой и посадили его на лавку между собой. Сказать, что они были изумлены, это не сказать ничего, но сделали всё молча, ожидая продолжения. Сам я подошёл к столу и взял документы, лежавшие на форме, прямо в открытом виде.

Что тут у нас? Какая прелесть! Непонятно только, почему они меня отпустили? Если отпустили, то зачем? Какой в этом смысл? Или я реально такой везучий? Ну, это тогда полная фантастика. Положив документы обратно, я не торопясь дошёл до оружия, взял автомат, передёрнул затвор и вернулся к столу.

«Серж» уже пришёл в себя, хотя взгляд плавал, а на скуле наливался синяк. Голова на темечке была разбита, и струйка крови медленно пробивала дорожку среди волос. Нехило его о стенку приложило. От удара этой деревянной головы даже дом закачался.

– Если вы не ответите на мои вопросы, я вас троих убью, – сказал я негромко.

«Третий», «Дочка». Вооружиться. Быстро. А потом перебью всех, кто пришёл с вами. – Повысив голос, я рявкнул «Старшине», «Девятому» и приходящему в себя «Сержу»:

– Руки держать на столе. – Виталик с Верой испуганными воробьями порскнули за автоматами. Для них моё поведение тоже было неожиданностью, но вот какая выучка. Моментально и без каких-либо сомнений на сидящих уставилось уже три автомата. Неплохо.

– Командир! Что случилось? – глухо пробасил «Старшина».

– Ничего не случилось. Разбор прошедшей операции. Я пытаюсь понять, ты с немецким диверсантом заодно или он один работает? Руки. Ты документы, что я принёс, видел? Что в них написано? Написано в них, что я вчера убил штурмбанфюрера войск SS. Знаешь, что это? Это капитан или майор, хрен я что понимаю в этих эсэсовских званиях, но точно не сержант. Минимум заместитель

начальника разведшколы, которую этот дебильный командир с первого раза не распознал и всех нас послал на убой. Я вот хочу понять, по собственной дурости или он на немцев работает. – Почти мгновенно вокруг «Сержа» образовалась пустота. И «Старшина», и «Девятый» моментально отодвинулись от него. Я же намеренно не смотрел на «Сержа», я смотрел в ноги. Нападение всегда начинается со взгляда и с ног, и стрелять я начну сразу, как только он напряжёт хотя бы одну мышцу на ногах. Да и смотреть в глаза человеку, которого допрашиваешь, нельзя. Когда человек, с которым ты говоришь, не видит твоих глаз, он теряется, чувствует себя очень неуютно. Оптимально смотреть на мочку уха, тогда человек видит, что ты смотришь прямо на него, а взгляд поймать не может. Визуальный контакт в разговоре для допрашиваемого всегда очень важен.

Я ни на минуту, ни на секунду не думал, что «Серж» – немецкий агент. Немцы давно бы меня взяли, и Виталика, и Веру, и понты с гранатами нам бы не помогли. Да упаси боже! Я просто его «опускал» и параллельно «качал» всех остальных. «Серж» начал тянуть одеяло на себя, и его надо было спустить с небес на землю.

– Я жду, падаль! Ты уже лишнего на свете живёшь. Как ты оказался в той стороне? Разведшкола находится в двадцати километрах от этой базы и совсем не в нашу сторону. Ты не мог не заметить минированной территории. Ты доложил, что на хуторе издеваются над людьми, но забыл добавить, что это не хутор, а барская усадьба и это стандартное обучение ножевому бою при подготовке диверсантов. – Я, в общем-то, этого не знаю. Откуда я могу знать, как немцы диверсантов готовят? Конечно, это блеф, но какой убедительный. Просто если кого-то просто так режут, значит, кому-то другому это надо. Технология простая, что здесь, что в нашем времени. Я так же своих малолеток учу, чтобы они крови не боялись.

– Я не немец. – О как! Очнулся. – Я могу встать? – Такой резкий переход из непринуждённой и дружеской обстановки в почти экстремальное состояние ломает даже специально подготовленных людей. «Серж» в данном случае не исключение.

– Медленно. – Говорил я резко. Короткими, рублеными фразами. Это тоже элемент экспресс-допроса, да и вообще здорово отличается от моего обычного стиля общения.

«Серж» медленно встал и распоясался, потом снял немецкий китель, нательную рубаху и вывернул её наизнанку.

– Сесть. Ступни ног убрать под лавку. – «Серж» сделал, что я сказал. – Не отрывать, отдать так. Брось на стол, я прочту. – Ну да, конечно, это то, что я ждал. На шёлковом лоскуте номер воинской части и печать, старший лейтенант. Документ не объясняет, что ты делал у разведшколы.

– Представьтесь и предъявите документы. – Вот сразу видно профессионала. Приятно, что я не ошибся. Сейчас я тебя удивлю, сучонок.

– С какой это стати? – Я глумливо усмехнулся. – Ты кто такой, чтобы я вообще с тобой разговаривал? Ты забыл, откуда я тебя вытащил? Так могу тебя обратно туда отправить. Со всеми твоими спутниками, выступлениями и документами.

В документе что написано? «Оказывать содействие». Тебе содействие оказали. Тебя достали из немецкого плена и ни разу не поинтересовались, какого мужского полового органа ты вообще там делал.

Теперь забирай своих людей и пошёл вон отсюда! А я отряд, что уговаривались, создал и дальше буду воевать. Теперь это партизанский отряд, а он никому не подчиняется, пока у меня нет воинского звания. Присвоить мне воинское звание ты не можешь, пока ты не подтвердишь свои полномочия. – «Серж», «Старшина» и «Девятый», вот как назвать их вид? Ошеломлены наглухо – не то слово. Во-первых, я вроде ничего не нарушал. Во-вторых, логика присутствовала. Я ведь действительно собрал отряд, вооружил его и очень эффективно воюю. И при этом, в-третьих, тупо выгонял их. Я ведь на самом деле им не подчинён, и у нас изначально была такая договорённость.

Я жду ответа на свои вопросы, и пока ответов не получу, ты для меня немецкий агент и живым отсюда не уйдёшь. Мне всё равно, какие у тебя документы. – Я намеренно давил на «Сержа». Понятно, что я его никуда не отпущу. Мне его проще похоронить, чем отпустить, но он-то об этом не знает. Ровно как и «Старшину» с «Девятым». Мне они все нужны как воздух, но размазать их по горнице просто необходимо, иначе начнётся красноармейское двуначалие, которое мне ни в какое место не упёрлось.

– Мы можем поговорить наедине? – глухим, невыразительным голосом спросил «Серж». Теперь было видно, что он сильно подавлен. Первый наезд не прошёл, и он отчаянно ищет выход из создавшегося положения.

– Можем, но у меня секретов от «Третьего» нет, так что он останется.

– Хорошо, пусть будет так. – «Серж» так и сидел на табурете, не глядя мне в глаза.

– «Старшина», «Девятый», «Дочка», сделайте, пожалуйста, что-нибудь поесть и сами не пропадайте, накрывайте на всех, мы пока к нам в комнату пройдём. «Третий», прихвати этот хлам со стола. – Виталик смёл со стола вместе с вещами эсэсовца одежду «Сержа» и направился к нам. Вера так и стояла у дверного проёма на кухню, наставив на сидящих автомат. Умничка девочка, я в душе млел от восторга. Я же пропустил «Сержа» вперёд и, контролируя каждое его движение, не торопясь двинулся за ним. Мы зашли к нам в комнату и сели за стол.

– Кто вы такие? – завёл свою шарманку «Серж».

– Я тебе предлагаю три варианта развития событий. Первый. Я тебя сейчас убиваю и всем говорю, что ты немецкий агент, и мне не придётся отвечать на твой вопрос. Второй. Ты забираешь свою группу и уходишь к Бениной маме, то есть к Себежу, и там, в голом осеннем лесу, тебя затравят как бешеную собаку, и я не отвечаю на твой вопрос. И третий. Ты остаёшься на некоторых условиях с нами, и, может быть, когда-нибудь ты получишь ответ на свой вопрос.

Я честно тебе скажу. Можно ответить на твой вопрос и на много других вопросов, которые обязательно сразу возникнут после моего ответа, прямо сейчас. Но! Ты тоже в этом случае будешь секретоносителем высшей категории, что в условиях нахождения глубоко в тылу врага не есть хорошо, а с учётом твоего непонятного поведения смертельно опасно.

– Какие условия? – заинтересованно спросил «Серж».

– Ты знаешь, за что ты сейчас по роже получил? – как старый одессит, вопросом на вопрос ответил я. – Ты сейчас получил за то, что ты место своё забыл. В разведке не принято трогать чужие трофеи и вещи командира. Это закон для

всех. Так вот я здесь – командир, «Третий» – мой заместитель, ты начальник разведки и при этом сотрудник НКВД и занимаешься контрразведкой. Занимаешься ты только этим и войной, то есть воюешь без дураков, учишь людей и при этом ни к кому не лезешь в душу и не ищешь врагов там, где их нет. Если мне хоть кто-нибудь намекнёт, что ты делаешь наоборот, я без предупреждений, раздумий и колебаний пущу тебе пулю в затылок.

Можешь ответ мне не давать, до конца ужина у тебя время есть. Говоришь «да», я представляю тебя отряду в новом качестве, тем более что ты уже засвечен, тогда в будущем у нас будет время поговорить. Говоришь «нет», завтра уходишь из отряда.

– Ты не будешь меня больше ни о чём спрашивать? – Это опять «Серж». Я его прекрасно понимал. Он мучительно ищет выход из положения, в которое сам себя загнал.

– Я выслушаю от тебя только то, что ты расскажешь сам. Расскажешь не сейчас, а на нашей базе, но сделаешь это так, чтобы выглядело правдоподобно. Если соврёшь и я буду чётко знать, что ты врёшь, получишь ещё раз, только в полную силу. Если тебе повезёт, выживешь, нет, закопаем в лесу и забудем.

Мне не нужны подробности твоего задания, мне на это наплевать с высокой колокольни. Мне нужно понимать, что ты есть такое и как ты оказался у разведшколы. Потому что разведшкола – это твоя подстава, а когда я что-то не понимаю, мне очень хочется виновника убить. Всё остальное мне неинтересно. Одно дело наши договорённости, другое – твоё поведение.

У каждого человека есть свои тайны. Ты мог бы заметить, я слушаю только то, что человек мне рассказывает, и тупых вопросов не задаю. Я собираю именно мнения людей о человеке, а только после этого начинаю прокатывать его в работе. Мне наплевать, какое у человека прошлое, я о нём ни единого человека в отряде не спросил.

Мы с «Третьим» живём настоящим и по нему судим о человеке. Пока не начнёшь гадить отряду и мне, ты с нами. Просто ты должен помнить – я командир. Я буду с тобой советоваться, но окончательное решение всегда за мной. Кроме того, ты узнаешь очень много нового, очень многому научишься и узнаешь, какую ценность для отряда представляет «Третий».

«Серж»

Сказать, что я удивлён, поражён, – это не сказать ничего. Я уничтожен, раздавлен, распят, и произошло это мельком, походя. Меня взяли и как комара прихлопнули. Раздавили и растоптали, а потом подняли, почистили и, поправив на мне одёжку, поставили перед выбором, прекрасно зная, что выбора у меня нет. Этот человек раскрыл меня, раскрыл давно, всё понял обо мне, всё знал или по крайней мере догадывался. Знал и ничего не делал.

То, что он мне говорил, я принял на веру. Всё так и было в действительности. Ему не нужны были мои грехи, ему хватало своих проблем. Он и его спутник делали своё дело – убивали немцев, делали это потрясающе эффективно, и больше их ничего не интересовало. Они просто идут по жизни туда, куда им надо. И он опять прав. Я действительно забыл своё место, и мой последний аргумент, за который я хватался как за последнюю соломинку, не возымел на него никакого действия. Он знал о нём или по крайней мере предполагал о его существовании, но ему было наплевать на любые документы.

Капитан делал своё дело и предлагал мне делать его вместе с ним, указав чёткие рамки наших взаимоотношений, и опять был в своём праве. И мне действительно интересно. Мне интересно с ним работать. Здесь есть цель и её достижение. Я здесь нужен и уже давно принял решение. С этим человеком можно идти до любого конца.

* * *

– Я согласен, – тихо сказал «Серж».

– Что? Я не понял? – Я намеренно давил на психику. Если ставить точки над «i», надо ставить их сразу.

– Я согласен, командир, – громче и твёрже повторил он. Вот это другое дело.

– Хорошо. Ты бы оделся и пошли есть. – Так я получил отличного помощника, очень опытного командира и в дальнейшем надёжного друга.

За стол мы пришли вместе. Накрыто было интересно. С торца, я так понял, моё место, слева «Дочка» и место оставлено для Виталика, справа на лавке «Старшина» с «Девятым», а дальний торец свободен, а там ни тарелки, ни еды, куска хлеба даже нет, табуретка одна. Отряд высказал своё мнение. «Серж» всё понял и прошёл к своему табурету. Я Виталику кивнул, а он Вере. О как! Она его с полувзгляда уже понимает. У «Сержа» тарелка тут же появилась, стакан и вилка с ножом. «Дочка» сильна! И картошку из чугунка она ему первому положила, а Виталик на палец коньяк налил.

– Ладушки, отряд. Кто старое помянет, тому глаз вон, а кто забудет, тому оба. Поэтому представляю вам нового начальника разведки и контрразведки нашего отряда. Звание вы слышали, полномочия между нами подтверждены, а ошибки, они ошибки и есть. Не ошибается только тот, кто не работает. Выпьем за то, чтобы наши ошибки обходились нам малой кровью. Приблизительно как ранение «Стрижа». – Заулыбались все. «Стриж» да! Ржать теперь над ним будут долго.

– Теперь по делу, «Серж». Определись, в качестве кого ты выступаешь, то есть оставляешь прежнее имя или светишь настоящее. И то, и то имеет свои плюсы и минусы.

– А как надо, командир? – Вот это правильно, это он сразу просёк. Уважаю.

– В общем, смотри сам, но сейчас у тебя есть авторитет и люди тебя не боятся. Наденешь форму, многие зажмутся, мало ли у кого какие отношения с органами. Поэтому я предложил бы следующее: мы знаем, и хорошо. Посторонних здесь нет, понадобится – скажешь, приглашу, кого скажешь, и представлю. Если какой командир попадётся, продемонстрируешь документ. Немцы нас и так боятся, их пособники в обморок падают, а своих нам пугать ни к чему.

– Да, это хорошая идея. Годится, командир. – Слишком быстро «Серж» принял моё предложение. Значит, он в процессе моего монолога прокатал его и понял, что в данном случае мы его перед всеми не светим, а это опять странно. Чтобы представитель справедливых, но карательных органов не рвался рулить и не тряс своими «корками», понтами и полномочиями? Всё «страньше» и «страньше», что-то он скрывает. Да и ладно, подождём.

– Вот и ладненько, «Старшина». Работаем по этому хутору в прежнем режиме. Полная уборка и консервация всего. Дом разваливаем, потом переходим к

заминированному хутору и делаем всё то же самое. Не торопись, делай всё обстоятельно. Эта база нам пригодится. Список того, что есть, покажи мне, я определю, что возьмём при отъезде.

Да. Я там одну вещь видел: винтовочные гранаты. Покажешь «Третьему», он у меня такой умелец. Из телеги и мотоцикла самолёт сделает, а если ему не мешать и дать побольше времени на творчество, этот самолёт сам будет бегать по перелеску и маскироваться.

Берём все типы боеприпасов для СВТ, и много. Я где-то видел швейную машинку: забирай и её, и все швейные принадлежности. Все парашюты, что лежат на складе. Весь брезент, что найдёшь. Мыло, и побольше – нас уже почти сорок человек, а я планировал не больше тридцати с тыловой службой. Смотри, чего у нас нет. Пока не зима, может, подвернётся где или немцев ограбим.

«Девятый», на тебе мины, гранаты, взрывчатка, детонаторы. В первую очередь взрывчатка и детонаторы. Будет время зимой, будем мудрить с фугасами, и вообще посмотри своими глазами, что нам надо.

«Третий», смотришь трубки под «глушаки». Здесь неплохая слесарная мастерская, выгребай всё. Начинаем использовать твои «золотые руки». При работе по хутору смотрим тайники. Я уверен, что мы и половины заначек не нашли.

28 сентября 1941 года

Я сижу у нас в комнате и разбираю вещи убитого мною эсэсовца. Разбираю и пока ничего не понимаю. У меня складывается впечатление, что этот человек всё своё носил с собой.

Необычно большой ранец, сшитый на заказ. Широкие, прошитые тройным швом лямки. Отдельная лямка, охватывающая бока и застёгивающаяся на поясе как ремень. Дополнительные накладные карманы с удобными кожаными застёжками. Древний аналог туристического рюкзака, только без станка и из очень качественной кожи.

Ранец полон. Нет. В нём нет личных вещей. Всяких там помазков, бритв и носков тут нет и в помине. Ничего лишнего и личного, только стопка писем, перевязанная толстой чёрной шёлковой лентой.

Очень странный немец. Один набор оружия обескуражил меня ещё там, в лесу, но тогда у меня не было времени с этим разбираться. Ни одной стандартной кобуры, все сшиты на заказ из неброской, но, видимо, очень дорогой кожи. Эсэсовский кинжал, кстати, висел не на поясе, а лежал в специальном кармашке снаружи на ранце. У меня складывается впечатление, что мне жутко повезло, что я убил его со спины.

К примеру, у него на щиколотке была кобура с маленьким «Маузером», но на правой щиколотке, под левую руку. Два «Люггера» под обе руки, что само по себе означает, что это очень подготовленный диверсант, так как стрельбой по-македонски владеют единицы что у нас, что у немцев. Я вот, к примеру, с левой руки стреляю очень хреново, хотя специально учился. Да и накачан он был дай боже, а на левом предплечье у него был метательный нож и удавка на поясе, в отдельном кармашке.

Я смёл с него всё, даже бельё, жетон и серебряный крест. А «Браунинг Лонг»? Тот самый пистолет, что висел у немца в подмышечной кобуре. Очень нестандартный пистолет для немецкого офицера. А то, что он пошёл один? Что мешало взять ещё десяток человек? Понты? Малочисленность инструкторов? Или ты недавно приехал и не хотел, чтобы по твоим многочисленным документам лазали чужие руки?

Неужели на этом поле были все курсанты и я выбил всех, оставив только тех, с кем ты никогда никуда бы не пошёл? Но ты пошёл в лес раньше, чем они вылезли на поле. Кто приказал им сделать такую глупость? Пока у меня нет ответа на эти вопросы. А ещё сверху толстых папок с документами лежали пачки с патронами к «Браунингу» и, похоже, те самые, заряженные ампулами с ядом. Я по крайней мере таких боеприпасов никогда не видел, правда, я и не эксперт.

Кроме того, под мундиром на эсэсовце была надета жилетка из плотного, почти неубиваемого материала, и в ней было девять потайных карманов, равномерно распределённых на поясе. В восьми карманчиках были фотоплёнки в жёстких металлических футлярах, а в одном такой же металлический футлярчик, почти доверху заполненный бриллиантами. Бриллианты очень крупные, от шести

карат как минимум. Это целое состояние в любом мире. Ещё изнутри к жилету был прикреплён пояс из плотной материи, наполненный небольшими, исписанными бисерным почерком листочками в хрустящем целлофане.

Очень упакованный мужик, очень умелый и очень сильный. Был. Последнее реально не может меня не радовать.

Вот «Серж» нам всем удружил с этим «родовым гнездом». Как бы нас здесь всех за это хозяйство вместе со всем лесом не закопали. В том, что я сбил погоню с наших следов, я уверен на все сто процентов, но, похоже, нас искать будут до посинения. Нашего посинения или их, не знаю. Одно знаю точно. «Сержу» я всё это не покажу.

В том, что старший лейтенант НКВД знает немецкий язык, у меня нет никаких сомнений, и знает очень хорошо. Слишком он… благороден, что ли? Его поведение отличается от поведения всех остальных встречаемых мною бойцов и командиров. Дворянин? Очень похоже, а это значит, что он знает не один иностранный язык. Вот и проверим на базе, скажет «Серж» про это или нет.

Я пока не уверен, что развалил «Сержа» до конца. Построил, да. Вот только есть ещё одна странность – «Серж» слишком быстро сдался, как будто его всё устраивает. Ну да, с этими хуторами нам повезло, мы захапали сразу столько, что за три года не переварить, тем более я и не собираюсь сидеть здесь три года. Но старший лейтенант НКВД мог и покувыркаться за ништяки и главенство в отряде, а он осознанно идёт в подчинение непонятно к кому. Именно это странно до изумления.

Тогда я ещё не знал, что эти документы перевернут всю мою жизнь. Не знал и того, что немцы случайно потеряли меня. Так как последний здравомыслящий человек в этой действительно малочисленной, элитной разведывательно-диверсионной школе, курсантов которой я, как в простом тире, расстрелял прямо на поле, нарвался на мою хитрую тройную растяжку и умер, не приходя в сознание через несколько часов, подарив такое драгоценное для меня время. А за двадцать минут перед моим приходом на перекрёсток через него прошли несколько человек местных с телегой, и немцы, вызвав по рации группу карателей, отправили их на перехват именно этих крестьян. На свою беду, крестьяне успели добраться до дома, и немцы вырезали больше половины жителей очень крупной деревни, потеряв более суток.

Следов же, внятных и читаемых следов я не оставлял даже в лесу, обмотав свои такие заметные ботинки собственным нижним бельём ещё ночью, отчего следы превратились в бесформенное ничто. Это потом, много позже, немцы перетряхнут все листья в лесу и найдут пребывание ещё нескольких человек на первой точке сбора и коротком отрезке в лесу. Но так и не смогут определить направление поисков, так как через сутки пойдёт сильный дождь, который смоет с дороги остатки следов «Сержа» и Давида.

5 октября 1941 года

Мы раздолбали оба хутора наглухо. Оставили только остовы двух домов и развалины хозяйственных построек, с кучами мусора на их месте. Под этими завалами остались ямы с нашими закладками.

Переставили мины и наставили их дополнительно, а противотанковые мины поставили с сюрпризами. Заодно потренировал «Девятого» и остальную толпу в установке несложных мин-ловушек в связке с дополнительными растяжками. «Лимонку» ведь можно так воткнуть, что противник будет удивляться уже на том свете.

Загрузили три грузовика, и даже на броневике едет десант. Бойцы забились по трое в кабины машин и по одному на каждую подножку машины. Забрали всех лошадей с обоих хуторов, понятно, что с упряжью. И вот, наконец, мы дома. Нас встречают у «фишки», мы опознаёмся и катимся дальше.

На следующий день мы встретились в старом составе, то есть до Сарьи и снайпера. Узкий круг в смысле. На завтрашний день назначены общий сбор и маленький праздник.

– Вы знаете, я долго думал, как начать сегодняшний разговор, а потом решил, что мудрить нечего! Я хочу сказать вам всем спасибо! Спасибо за то, что вы со мной! Спасибо за ваш труд, за ваше терпение, за уничтоженных полицаев и немцев. Мне очень повезло с вами, и я рад, что мы воюем вместе.

Теперь несколько объявлений и предложений. «Серж» назначается начальником разведки и контрразведки отряда. Вся информация по бойцам сначала отдаётся ему. Разумеется, я и «Третий» тоже будем её знать. Отдельное спасибо лично от меня и от «Третьего» вы получите каждый и не за столом. Я прошу принять мои подарки. Не понравится, выбросите, озеро рядом, но я прошу оставить. Жизнь большая, длинная и извилистая, меня может уже завтра не быть, а память об этом дне останется.

Не дай бог, но никто не знает, как повернётся ваша жизнь в дальнейшем: может, этот подарок спасёт вашу жизнь или жизнь вашего ребёнка. Это часть наших трофеев, и вы тоже имеете на них частичное право, а моральные терзания и какие-то сомнения киньте в меня, я сам отвечу и перед богом, и перед людьми. – Я выбрал действительно хорошие вещи с правильными камнями и собираюсь поступать так и впредь. В любом случае это признание их заслуг, а как они поступят с подарком, уже их дело.

– Персонально «Погранцу» и «Третьему». За старую разведку лично от меня абсолютно одинаковые награды. «Погранцу» за то, что дословно выполнил мой приказ, и, соответственно, теперь опять будешь ходить старшим. «Третьему» за общее руководство разведкой и выполнение моего приказа. Только дословное выполнение приказа нас спасло. Вы не сунулись куда не надо, и мы все живы.

Эти «Люггеры» не штатное оружие, как «Вальтеры», а наградное, как у «Старшины», «Гнома» и «Бати». Чтобы все понимали – такое оружие у немцев редкость. Эти пистолеты я лично взял с убитого мною эсэсовца и сам вам дарю.

«Старшина». Я знаю, что ты у нас любитель подымить, а правильного табака у тебя нет. Вон те четыре вещмешка лично от меня, нашел у одного упыря в загашнике – понимал урод в табаке. «Третий» потом объяснит, как всем этим пользоваться. Ну да, у майора латвийской армии я нашёл настоящие гаванские сигары и хороший листовой табак, а ещё приличный французский «Житан». Понимал, гадёныш, в напитках и табаке, хотя о «Житане» хорошо отзываются только французы.

Очень небедный был упырь, но о находках позже. Главное, в загашниках этого хозяйственного человека мы нашли очень хорошую цейсовскую оптику и мосинские винтовки со снайперскими прицелами ПУ. Так что теперь мы не только снайперские пары оптикой обеспечим, но и в каждую из рейдовых групп отдадим по снайперке, что повысит боеспособность каждой группы на

несколько порядков.

Я предлагаю использовать маскировочные халаты как повседневную форму одежды. У нас их достаточно много, штука в носке удобная – загрязнится на тренировке, можно просто сменить на такой же маскхалат. Можно и цвета по принадлежности использовать. У снайперов одни, у остальных другие, да и на девчонках будет хорошо смотреться.

Мы будем всем выдавать «Вальтеры» как личное оружие, но новые бойцы получат его только при прохождении определённого времени. Будем называть его «курсом молодого бойца». Ношение личного оружия у всех без исключения постоянное и обязательное, и потом какое-никакое, а мы воинское подразделение.

Теперь о вопросе «Восьмого». Перед нашим отъездом ты мне задал вопрос, зачем нам столько гранат без замедлителя. Первое. Очень удобно всё минировать, нет паузы перед взрывом. И второе. Представьте себе ситуацию. Убили мы немца, а оружие и боеприпасы забрать не успели или забрали, а по карманам не прошлись. А в кармане лежит наша граната. Что сделает немец?

– О! Граната! – И положит её к себе в карман. Потом где-нибудь понадобится ему граната, а она у него в руках взорвётся. Гранаты кидают из укрытия, в укрытии он может быть не один. Или сняли нашу растяжку. Та же картина.

– Ой! Граната в руках у Ганса взорвалась! – Хозяин уже не скажет, где он её взял.

– Проклятые русские! Не могут гранату нормально сделать! – И заметьте. Мы здесь совершенно ни при чём. – Рассказывал я всё с соответствующей интонацией и мимикой, так что выглядело это достаточно смешно. «Погранец» самый эмоциональный. Заржал он так, что, откинувшись, чуть не свалился с лавки, за ним засмеялись и все остальные. Хохот потряс горницу.

Вот это чудо! Улыбнулась «Фея». Ай, хорошо. Надо девочку потихонечку раскачивать. Я давно этим занимаюсь, но самыми первыми аккуратненько, ласково и нежно этой раскачкой занимались только Виталик, «Старшина» и девчонки с Верой во главе. Это были самые близкие к девочке люди, и к ним у «Феи» было больше всего доверия.

Однажды, в самом начале, я поймал взгляд этой маленькой озлобленной на весь мир девочки и испугался, что дал ей оружие. Девочка была похожа на сжатую до упора пружину, готовую сорваться в любой момент, но пистолет уже был у неё в руках, и я не счёл возможным отбирать его. Пистолет был наградой девчонкам за их помощь всему отряду, и, отобрав его, я оскорбил бы «Фею» и опустил бы доверие к себе как к командиру отряда ниже плинтуса.

На следующее утро после Сарьи я категорически запретил всем мужикам подходить к девчонкам и даже смотреть запретил не по делу, а один игривый даже удостоился ласкового шлепка от «Старшины». Ничего, что он вторым глазом смог смотреть на мир только через пять дней, зато практический урок для всех остальных.

Затем, по ходу дела, я дал чёткие инструкции Виталику, «Погранцу», «Старшине» и «Сержу». Тогда, ещё при строительстве первой базы, мы начали использовать девчонок только в дозорах и сразу начали учить их. Они жили, ходили в дозоры, питались, мылись и учились только вместе. Я отгородил их от всего остального мира, дав простой и понятный выход: возможность убивать врага. Лучше смотреть на мир в прицел оптики, чем есть самого себя и окружающих тебя людей. Однажды, когда «Фея» мылась, Вера заменила ей её «Вальтер» на точно такой же «Вальтер». Только её новый «Вальтер» не стреляет. Совсем – у него спилен боёк.

У поломанного психологически, а тем более физически человека наглухо съезжает голова. У всех, кто прошёл через Сарью, в той или иной степени «поехала крыша». Более-менее готов к Сарье был «Серж», потом я, «Старшина» и все, кто прошёл через концлагерь, а Веру жизнь пожевала до этого.

Именно по этой причине я разделил людей на небольшие группы. Самое простое и понятное чувство человека – это месть. Я дал людям обычную, обыденную работу, выдал оружие и связал им ноги. Они сварились в собственном соку, и уже после постройки базы с ними можно было работать, а потом нам удачно попались упыри. Это была очень хорошая психологическая разрядка, с практическим применением. Если бы упыри не попались, их пришлось бы придумать или найти других, но здесь это несложно. Мы на днях этим как раз и займёмся.

– Теперь следующее. До наступления холодов нам надо построить базу за озером. С послезавтрашнего дня занимаемся только этим, разумеется, учёба и тренировки по графику. На боевую работу ходим я, «Серж» и «Погранец», с собой берём одного или двух снайперов. Для снайперов это практическая учёба. Все остальные только то, что я сказал, и работа с «Третьим», но он сам будет выбирать, что и от кого ему надо. Будет много нового оборудования, одежды и тактических приёмов. Вам надо будет всё осваивать, учиться и учить других.

«Серж»

И вот опять. Я слушал, что говорит этот человек, и недоумевал. Сказать, что я поражен, это не сказать ничего. Я уже давно перестал называть его капитаном даже сам с собой. Он не был капитаном и никогда не служил в НКВД. Такой человек никогда не выжил бы в нашей системе. Всё, что он делал, шло вразрез с той установкой, которая была в органах, да и во всей стране.

Он берёг людей. Для него люди были величайшей ценностью. Любой мальчик или девочка в нашем отряде были для него дороже и ближе, чем безумно дорогие золотые изделия с драгоценными камнями, которые он, походя, просто подарил людям, и люди отвечали ему тем же. Он брал простой булыжник, держал его в руках, укладывал в мозаику, и оказывалось, что это именно тот фрагмент, которого так не хватало.

А решение с гранатами? Этот человек – гений! Я тоже до самого последнего момента и не подозревал о такой возможности, а ведь это так просто. Просто и, как всегда, красиво. При этом он говорит, что это не все новинки. Он использовал выражение «тактические приёмы», но это уровень академии генерального штаба, а он говорит это вчерашним школьникам. Он говорит, что вот этот тихий и незаметный человек специалист, но при этом этот ценный специалист тоже ходит на боевые операции, и это в их среде норма поведения. Я уже устал думать, кто они и откуда пришли. Я просто ничего не понимаю.

«Фея»

Она любила этого человека. Каждый его жест и улыбку. То, как он говорит с людьми и просто сидит и смотрит в листы карт или какие-то бумаги. То, как приказывает и просит. Как учит на занятиях и даёт задания инструкторам. Как

объясняет и ругает «Погранца», а «Погранцу» достаётся больше других, но и хвалит тоже, и награждает, говоря добрые слова. И даёт боевые имена. Вот её назвал «Фея». Назвал сразу, ни на секунду не сомневаясь, и все приняли это, и она это приняла. А немцев и полицаев теперь все называют упырями, и это самое мерзкое слово в отряде. Любила за всё. За то, что он есть в её жизни.

А подарок! Господи, какой это был подарок! Как можно такую красоту выкинуть в озеро? Перед собранием он подошёл к ней и попросил протянуть ему обе руки и закрыть глаза, а потом положил ей на одну ладонь что-то, накрыл другой её ладонью и, держа её ладошки своими большими, сильными руками, сказал:

– Это тебе вместо ордена. Пусть у тебя будет память обо мне. – Она раскрыла ладонь и увидела бабочку. Нежную, воздушную, ажурную, золотую бабочку с блестящими камешками вместо глаз и заколкой на брюшке. Бабочка была настолько красива, что у неё на мгновение захватило дух.

А ведь сначала она хотела его убить. Убить всех и в первую очередь его. Не прошло и получаса после того, как она решила его убить за это очередное унижение, она увидела то, ради чего это было сделано. Она увидела убитых на посту немцев. Увидела, как свалили эти изломанные смертью куклы в одну большую кучу и как где-то там, в середине, под толстого немца он аккуратно, объясняя всем, положил гранату без чеки.

А потом он сделал то, что привело её в восторг. Это было невозможно, немыслимо и перевернуло всю ее. Он распорол штаны на верхней кукле, пристроил большой куст ромашек прямо между ягодиц и объяснил, что теперь немцы знают, кто убивает их солдат, и будут его искать, а значит, и её, если она будет рядом.

А ещё он дал ей в руки оружие, сказал ей спасибо и повернулся к ней спиной. И это его доверие к ней раздавило её. Это потрясение было больше, чем случилось с ней утром, и пришла в себя она много позже. Потом был полицейский, которого они повесили на берёзе, – и это тоже сделал он.

Произошло всё это в один-единственный день, и она не сразу осознала всё это. Слишком быстро в спокойное, мирное течение её жизни ворвался беспощадный военный кошмар.

Её жизнь изменилась сразу же. В её жизни появился смысл. Смысл всей её дальнейшей жизни: убивать немцев и полицаев. Ей дали винтовку и учили её, и она воспринимала это как должное, но была одна вещь, которую она поняла много позже. Поняла и поразилась, как сразу он понял её. Ей никто с того времени не смотрел в глаза. Кроме него и «Дочки». Никто и никогда. Даже те, кто постоянно общался с ней, их инструктора, никогда не делали этого. Они смотрели на оружие, на её руки, на местность и вообще куда угодно. «Дочка» только однажды сказала ей:

– Командир запретил, – и ещё она сказал тогда: – Командир сразу запретил к нам приближаться, сказал расстреляет. – Много позже она узнала, что однажды «Старшина» ударил парня из их деревни. За то, что пытался подойти к их палатке. Ударил так сильно, что парень два дня не мог встать.

Всё, что происходило с ней до сегодняшнего дня, было настолько странно и необычно, что она не сразу осознала это. Никто и никогда в прошлой жизни её так не защищал. Забота командира ощущалась во всем. В боевой учёбе, в постоянном присутствии «Старшины», в повседневной жизни и даже в вечерних посиделках и ответах на их бесконечные и часто бессмысленные вопросы. Но их новые учителя отвечали на эти вопросы, учили их, тренировали и заботились о них как о собственных детях, и со временем это стало для всех привычным.

Вот и сейчас командир говорит простые и понятные вещи. Говорит так, как будто рассказывает смешную историю. Историю, как они будут убивать упырей, а значит, и она. И очень скоро она пойдёт с ним на работу. Ту работу, которой он её учил: убивать упырей. И она не подведёт.

6 октября 1941 года

Опять мы сидим за нашим столом. Только теперь сидим всем отрядом, все наши тридцать два человека. Ещё шестеро сейчас в дозорах. «Старшина» с Виталиком творчески подошли к моему предложению, и действительно отряд преобразился. Всё же одинаковая одежда сближает.

Себе я взял камуфляж как на снайперах. Девочки-снайперы по моей рекомендации выбрали маскхалаты «широкий лист», и больше этот камуфляж

никому не дали. Пусть будет небольшая кастовость в отряде, только этим я могу их выделить. Но самое интересное, в камуфляже врачи, и всей семьёй, хотя мы и привезли им всем гражданскую одежду. Абсолютно новую одежду, даже с торговыми бирками. Видно, упыри обнесли магазин. Камуфляж выдали по их просьбе.

Молодец доктор. Я так и не смог поговорить с ним, у меня пока не было времени. Все с оружием, кроме новичков, и это тоже выделяется. Здесь сидят все, даже раненые, только «Стриж» стоя, и все потешаются над ним.

– По традиции при сборе отряда слово предоставляется командиру отряда! – как всегда, с лёгкой усмешкой начал я.

– Нас стало больше, и меня лично это радует. В нашей семье появились доктора. Да, я не оговорился, именно в семье. Война закончится, нас разбросает по жизни, но наши отношения так и останутся близкими и родственными. Наши раненые, спасённые нашими докторами, не позволят относиться друг к другу иначе.

Как это бывает в любой нормальной и дружной семье, у нас уже появились традиции, и одну из них пора продолжить. Сегодня мы вручаем личное оружие тем, кто прошёл «курс молодого бойца». – Я кивнул, и «Старшина» с Виталиком раздали «Вальтеры» молодым, и в том числе неожиданно и всей семье врача. Чем поразили их всех.

– Да, да, Генрих Карлович, – обратился я к обескураженному старому доктору. – У нас принято, чтобы человек мог защитить себя и свою семью в любую минуту. Только сейчас оружие у вас всех не заряжено. У вас в семье ребёнок. Сегодня пройдете обучение с инструктором – тогда и выдадим патроны. Врачи обычно некомбатанты, но, к сожалению, не в вашем случае. Я хочу, чтобы у вас был ещё один хотя бы мизерный шанс спасти свою жизнь и жизнь близких вам людей.

Вы все должны понимать. Первый этап нашей войны закончился. Теперь отряд учится. Для того чтобы хорошо выполнять свою работу, надо учиться. Учиться, чтобы эффективно работать.

Наша работа простая и доступная. Наша работа – убивать немцев и полицаев. Это не месть, не война, не какие-то высшие чувства и материи. Это

обыкновенная для сегодняшнего времени работа.

Как и любому другому ремеслу, убивать надо учиться. Вы все это делаете с тем или иным успехом, но этого пока мало. Мы все живы только потому, что в нашей команде есть «Серж», «Старшина», «Погранец», «Белка», «Батя», «Восьмой» и «Девятый». Их до войны учили и учили хорошо. Они учились, выучились и теперь учат вас. Правда, «Погранца» немного не доучили, но ничего, «Погранец», я тобой персонально займусь.

А про тебя, «Стриж», я скажу отдельно! Все посмотрите на «Стрижа». Если будете действовать так, как он, будете вечными дежурными по кухне. Хотя это тоже тяжёлый труд. Попробуйте в одно лицо картошки на сорок человек почистить и воды натаскать. – За столом засмеялись все и врачи тоже. Они, между прочим, тоже на кухне часто трудятся и по собственной инициативе.

– Ну, ничего, научишься, а первый свой опыт ты уже получил. У нас много инструкторов, и война завтра не закончится, – добавил я, переждав смех.

– Теперь о деле. Мы перейдём к личным тренировкам и тренировкам по рукопашному бою. Немецкий язык обязателен для всех без исключения. Для боевых групп будет составляться индивидуальная программа тренировок. На боевую работу пока будут ходить единицы. Пока не выучитесь правильно убивать врага, никто на боевые задания ходить не будет.

Объясню, что значит «правильно убить врага». Надо его убить, потом ещё одного, и ещё, и ещё, и тихонечко, и обязательно живым и невредимым вернуться на базу. Убить, чтобы погибнуть самому, не годится. Зачем мы тогда будем вас учить? Чтобы усилия десятка инструкторов поменять на одного вшивого, не за столом будет сказано, упыря? Я категорически против этого. Ваши жизни нужны в первую очередь вашим будущим детям и внукам.

И последнее на сегодняшний день. Сейчас мы всем раздадим по монете. Считайте обязательной к ношению, как оружие. Хоть на шею на верёвочку повесьте – скажете «Третьему», он сделает. Это необходимо особенно тем, кто уходит на боевые задания. Отчитываться по ней необходимости нет. Потратили, потеряли, подошли к «Старшине» или «Третьему» и получили новую.

На монету можно купить то, что необходимо в дальнем рейде. Еду, одежду, да хоть коробок спичек или кружку воды. Главное – ничего не отбирать у мирных людей. Тогда вам это может спасти жизнь. Основа всей нашей подготовки: не размениваться на мелочи. Мне ваша жизнь дороже всяких железок. – И всем раздали золотые николаевские червонцы. Всем. Даже маленькому сынишке врачей, прибив старого доктора окончательно.

– Ой, Генрих Карлович! И нэ глядите ви на мэнэ так! Ниымба у меня нэт и кирильев тоже. Я такой ангел, с которым лучше нэ встречаться на киривой дорожке в тёмное время суток, особенно когда я голодный. И вообще надо съесть всё, шо нам послал бог и нэмцы! – сказал я, изменив голос и вызвав очередной дружный хохот. И мы перешли к еде. Так и закончился наш семейный праздник.

«Доктор»

Он опять поразил меня простой и логичной речью, простыми поступками и оружием, розданным в том числе и нашей семье. Я уже видел такие же пистолеты у девочек, живущих в нашем доме. Сара, высокая, красивая, как богиня, одетая в немецкий мундир девушка, как-то сказала нам за столом, что командир сам вручает личное оружие, и поразила меня тем, с какой теплотой она говорила о командире. Я и сам уже стал думать о нём не с иронией как о молодом человеке, а уважительно, как и все остальные, как о командире всего отряда.

Но последнее его действие. Эти золотые, известные всему миру николаевские червонцы, розданные всему отряду и всей моей семье, даже моему несмышлёному внуку, потрясли меня до глубины моей циничной души. Само объяснение этого поступка – «может спасти вашу жизнь» – до сих пор никак не укладывается в моей старой голове.

Он сказал, что жизнь этих детей и их будущих детей и внуков ему дороже «всяких железок». Назвал железками эталонное золото, ценящееся во всём мире. Сказал, открыто упомянув Бога, и я понял, что всё, что он говорил мне при нашей встрече, чистейшая, не замутнённая ничем правда. Такой человек просто не мог быть сотрудником НКВД. Но кто же он и его друг?

«Погранец»

Всё, что произошло со мной за последние неполные два месяца, промелькнуло перед моими глазами ярким, стремительным росчерком. Задания, которые давал мне командир, его приказы были просты и понятны. Неожиданно для себя я стал не просто бойцом, но ещё и инструктором у избитых, поломанных полицаями девчонок. Я стал их старшим братом и учителем, наставником и близким другом. Командир несколько раз повторил, как надо разговаривать и вести себя с каждой из девочек и даже как смотреть на них. Например, запретил прикасаться к ним руками, а «Фее», маленькой хрупкой и почти невесомой на вид девчушке, запретил смотреть в глаза.

Это было странно, необычно и смешно, но ровно до того момента, пока я не попытался до неё дотронуться. Я учил «Фею» ползать и положил на неё руку, чтобы прижать к земле. Но «Фея» тут же вывернулась у меня из-под руки, перевернулась, отбросила мою руку и схватилась за пистолет. К моему счастью, рядом был «Старшина», который оттолкнул, отбросил меня в сторону, прикрыл меня своей широкой, могучей спиной. Только потом, уже вечером, наливая мне полную кружку водки, «Старшина» сказал мне, что на «Вальтере» «Феи» спилен боёк.

Наутро «Фея» вела себя как обычно. Внимательно слушала меня, кивала, чему-то удивляясь, распахивала большие серые глаза и не улыбалась. За все эти дни «Фея» ни разу не просто не засмеялась, она даже не улыбнулась, оставаясь всегда спокойной, уравновешенной и опасной, как готовая в любой момент ужалить змея.

Неожиданно для себя я привязался к черноокой и чернобровой Эстер, и мы часто проводили вместе по вечерам короткие минуты, наполненные учёбой и, как говорил командир, «боевой работой» дней. Вчера командир опять удивил меня. Он отвёл меня в сторону и подарил большие, тяжелые, золотые часы «луковицу», усыпанные мелкими и блестящими камешками, а затем, как-то по-доброму улыбнувшись, попросил передать это Эстер и положил мне на ладонь две вещи. Большую сверкающую такими же мелкими камешками брошь и маленькое колечко с красным камешком, сказав, что завтра у Эстер день рождения. Он знал и помнил даже об этом, хотя сам был занят всё время.

* * *

Я дал всё же людям ещё один выходной. Слишком напряжёнными были последние дни, да и разобрать и растащить по загашникам привезённое нами было необходимо. Ещё вчера я отослал «Погранца» с Эстер на дальнюю «фишку» на целый день. Виталик сам отнёс туда большую корзину провизии с бутылкой лёгкого вина и нашими поздравлениями. Это была та самая «фишка», мимо которой в своё время я прошёл по боковой тропинке. Теперь все тропы вокруг «фишки» были заминированы самим «Погранцом» и «Восьмым».

Особенного смысла в этой «фишке» не было, но я стремился привязать «Погранца» к Эстер сильнее. Дело в том, что мягкой и ранимой Эстер был нужен защитник, а «Погранец» при всей своей бесшабашности и даже иногда безбашенности был очень одиноким человеком, так как был из детского дома и родственников у него не было в принципе.

Городских девчонок, работавших на хуторе, к счастью, изнасиловать просто не успели, привезя их на уборку урожая, но вот всех их родственников расстреляли за городом. Так что у меня оставались только две проблемы. Непреступная Сара и крайне опасная «Фея», которую сторонились все парни отряда. Эпизод с «Погранцом», произошедший ещё на старой базе, усилиями «Старшины» получил широкую огласку.

10 октября 1941 года

Опять раннее утро. Ещё не рассвело, а мы уже в пути. Это пока только лёгкая разведка с обязательным кровопусканием. Я хочу уехать как можно дальше и поискать ещё один мотоцикл. Пока не холодно, надо потренировать снайперов, да и хоть немного утолить им жажду крови, а то перегорят. Девчонок надо вывозить – одних их не отпустишь, а пешком мы будем ходить потом, когда окончательно похолодает. Я совсем не забыл о тех полицаях, что живут недалеко от нашего хутора, просто ещё не время. Убить их можно и зимой, закопав по-тихому где-нибудь в снегу.

Сегодня выезд двойной. «Погранец» со «Старшиной», «Белкой», Эстер и Зерахом ещё ночью уехали на телеге по одной из просёлочных дорог на разведку и свободную охоту за одиночными полицаями или, если повезёт, за одиночным

мотоциклистом. Старший группы «Старшина». Ну а мы втроём с «Сержем» и «Феей» едем на мотоцикле. Я прекрасно вижу, как девочка ко мне относится, но пусть лучше будет так. Со временем её влюблённость пройдёт, наверное. Она ведь совсем маленькая, почти ребёнок. Через два месяца «Фее» исполнится пятнадцать лет. Перед операцией «Дочка» поменяла «Фее» «Вальтер».

Я хорошо изучил карту и выбрал время, так что уже в районе десяти утра мы находились недалеко от довольно оживлённой дороги километрах в семидесяти от базы. Сегодня только стрельба, хотя листовки я тоже прихватил. Свой мотоцикл мы закатили в небольшой ельник рядом на просёлке, а сами добежали до трассы. «Серж» с биноклем и немецким ручным пулемётом, я с «Феей» с винтовками СВТ.

Повезло почти сразу. Редкие машины мы не трогали, но через полчаса появилась телега с пятью полицаями. «Фея» не подкачала – трое были её. К полицаям у девочки неутихающая ненависть. Никто за оружие так и не схватился, даже с телеги соскочить не успели. Правда, я первым выстрелом убил лошадь, чтобы не дёргалась и прицел «Фее» не сбивала. Потом мы выскочили на дорогу. «Фея» добила из личного «Вальтера» специально раненного мной в живот полицая, сама оставила пару своих листовок. Прихватили ППШ, гранаты, патроны, по традиции вытряхнули карманы, забрав документы, и оставили одну гранату от «Восьмого». Я же обещал сюрпризы.

«Фея» ликовала! Это надо было видеть. Дали ребёнку игрушку. Я знаю, что это не по-человечески, но я не знал в Росице, не знаю и сейчас, как удержать ее от безумия. Я специально переключал её внимание на себя и «Дочку», но «Дочка» – её напарник и самый близкий ей человек, а я наиболее подготовлен психологически, так что пусть будет лучше так.

Мы остались на месте. Засада пока полностью не отработала. Первый грузовик, здорово чем-то загруженный, чуть притормозил. Сидящий рядом с водителем офицер рассматривал убитых полицаев, и «Фея» убила водителя. Грузовик чуть дёрнулся, не торопясь покатился, сильно забирая влево, и свалился на обочину. Выполняя мой жестовый приказ, «Фея» сменила обойму на зажигательные патроны и стала стрелять по баку. Всё было, как в тире. Попытавшегося вылезти из машины офицера я убил, и выстрелом его отбросило обратно в кабину. В это время грузовик загорелся. Горящие капли начали вытекать из бака, и грузовик неспешно охватывало пламя.

Надо было уходить, но с другой стороны, из-за поворота, появилась машина. Выскочила она сразу, и до неё было метров триста. Открыли огонь мы втроём: сначала мы с «Феей» по кабине грузовика, а потом и «Серж» по выскакивающим на дорогу пехотинцам. Затем «Серж» добил остаток диска по затянутому брезентом кузову, а я прибил неосторожно высунувшегося унтер-офицера. Неудачно парнишка попробовал в атаку подняться – подождал бы пару минут, остался бы жить. Я на таких расстояниях не промахиваюсь. Судя по тому, как он грохнулся, умер он значительно раньше, чем достиг земли.

«Фея» же методично, пулю за пулей, посылала зажигательные по второму грузовику. Вот теперь точно пора уходить, в нашу сторону начали изредка постреливать, а кузов грузовика вдруг с какого-то перепуга занялся весёленьким пламенем. Впрочем, стреляли немцы именно в нашу сторону, а не прицельно. Валяющийся на дороге унтер-офицер личным примером показал своим подчинённым, как делать не следует. Похоже, его подчинённые всё понимали без слов. Голову из канавы не поднял никто, а жаль, так хотелось поставить точку кому-нибудь в лобешник. Ну да ладно, в другой раз.

Я тронул «Фею» за плечо и указал на лес. На всякий случай я всё же присыпал след смесью табака и перца, благо у нас почти никто не курит, а сигареты и махорку мы всё равно на каждой операции выгребаем, да и у упырей запас был. Хватило мне одного раза бега от собак по пересечённой местности. Имел я этих друзей человека во все мыслимые, а лучше немыслимые места.

Нас никто не преследовал. Мы добежали до мотоцикла, завели его и не торопясь покатились по просёлку к параллельной дороге, выходящей чуть дальше к нашему шоссе. Я сидел в коляске у пулемёта, наши винтовки и трофейный ППШ забрал к себе, и мы уже выкатывались на дорогу, когда я повернул голову и посмотрел на девочку.

«Фея» сидела позади «Сержа», обняв его руками и крепко, насколько это возможно, прижавшись к нему всем телом. Голова была повёрнута в мою сторону, глаза закрыты, а на детской мордашке девочки цвела мечтательная улыбка. С этого дня «Фея» начала изредка робко улыбаться, но только мне и «Сержу».

Мы вернулись почти сразу, пока не началась облава, да и по дневной дороге прокатиться надо было. Шоссе достаточно оживлённое, но местных мало и в основном полицаи. А так одиночные машины, редкие колонны, видел два

санитарных автобуса, опять в одном месте много разбитой нашей техники и четыре упавших самолёта. Пока ехали, отметил на карте: пришлю потом «Погранца», пусть пошарится. Мотоциклисты, к сожалению, так и не попались. Надо будет засаду где-нибудь на просёлке ставить.

Опять проехали две деревни на трассе. Постов никаких нет, да и в самих деревнях народу очень мало. Идиллия, погода хорошая, день солнечный, дорога накатанная, как будто и войны нет. Трогать больше никого было нельзя, чтобы не дать немцам понять, в какую сторону мы перемещаемся на технике, так что уже во второй половине дня мы были на базе.

Начальнику штаба 284-й охранной дивизии подполковнику Генриху Штайнеру.

Рапорт

Докладываю Вам, что 10 октября 1941 года в 09.40 неизвестной группой противника было совершено нападение на военнослужащих войск Вермахта и вспомогательной полиции. Диверсионная группа численностью до пяти человек использовала ручной пулемёт MG-34 и русские автоматические винтовки СВТ. Группа противника скрылась в лесу. След был присыпан кайенской смесью, в результате чего розыск диверсионной группы по следам оказался невозможен. Силами второй роты и приданных частей вспомогательной полиции проводится прочёсывание прилегающей местности.

Командир первого батальона 94-го полка 284-й охранной дивизии

гауптман Роберт Рихтер

* * *

«Старшина» с группой вернулись на четырёх телегах. «Старшина» в своём репертуаре: опять прихватил всё, до чего смог дотянуться. Одетые в полицейскую форму ребята неспешно двигались по просёлочным дорогам и трижды за день повстречались с настоящими полицаями. Первый раз прямо на дороге с двумя, так что Эстер даже за винтовку взяться не успела. Уже через

два десятка минут две телеги так же неспешно двинулись в одном направлении, оставив в лесу два остывающих ободранных до нижнего белья трупа.

После обеда, по возвращении, «Старшина» решил сделать засаду на перекрёстке двух просёлочных дорог. Не торопясь, пообедав и поглядывая за перекрёстком, ребята дождались ещё троих упырей на полностью загруженной телеге. В этот раз Эстер выстрелила первой, и за оружие не успели схватиться «Старшина», «Погранец» и «Белка».

В третий раз «Старшине» просто повезло. Зацепил он двоих наших соседей, наверное, папашку с сыном, на полностью загруженном мешками с зерном транспортном средстве. Они как раз поворачивали на один из хуторов совсем недалеко от нашего расположения, когда с ними поравнялись наши телеги. Отличились сам «Старшина» с «Погранцом». Мирных жителей они бы не тронули, но мирные крестьяне оказались в форме и со стволами. К тому же сынулька, увидев связанного Зераха, сидящего на одной из телег, радостно подскочил с намерением поприветствовать последнего прикладом своего винтаря. Совсем немного не добежал, наткнувшись на нож «Погранца».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/shmaev_valeriy/mstitel-byvshih-oficerov-ne-byvaet

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити